

РОБЕРТ СИЛВЕРБЕРГ

ВАЛЕНТИН ПОНТИФИК

«Я счастлив снова посетить Маджипур и благодарен за то, что в этом великом и замечательном мире есть еще место для новых приключений».

Asimov`s Science

fanzon

Маджипур

Роберт Силверберг
Валентин Понтифик

«ЭКСМО»

1983

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Силверберг Р.

Валентин Понтифик / Р. Силверберг — «Эксмо»,
1983 — (Маджипур)

ISBN 978-5-04-156606-7

Мучимый кошмарами о Маджипуре, пораженном штормами и землетрясениями, лорд Валентин верит, что это знамения войны между его народом и метаморфами – меняющими облик, которые когда-то правили планетой. На протяжении веков они плели заговор, чтобы вернуть свою украденную планету. С тех пор как Валентин пришел к власти, политика согласия и примирения заставила многих придворных усомниться в его подлинных мотивах и лояльности и позволила им отстранить лорда от руководящих обязанностей, избрав его на более высокий и церемониальный пост понтифика. Но если Валентин примет мантию понтифика и уступит свой пост будущему преемнику, о нем останется память как о лидере, который уклонился от своих обязанностей и разрушил мир, царивший в течение восьми тысяч лет...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-156606-7

© Силверберг Р., 1983
© Эксмо, 1983

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	41
Глава 11	48
Глава 12	52
Глава 13	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Роберт Силверберг Валентин Понтифик

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящаю

Карен

Сандре

Кэтрин

Джерри

Кэрол

Эллен

Дайэнн

Хилари

Диане

— волноломам в сезон штормов

...Великий испуг:

Не крушенья ли срок сужденный настал,

Чтоб низвергнуть мир, чтобы хаос опять

Безвидный объял и людей, и богов,

Окружил и твердь, окружил и моря,

Чтобы скрыла огни блуждающих звезд

Природа опять.

...

Неужели из всех, сколько было, племен

Только мы сочтены достойными пасть

Под крушеньем небес?

Сенека. Фиест¹

¹ Перевод С. А. Ошерова.

Часть I

Книга короналя

Глава 1

Валентин пошатнулся и оперся свободной рукой о стол, стараясь не расплескать вино.

Что за странное ощущение, подумал он: кружится голова, путаются мысли. Перебрал вина? Духота? Или, быть может, здесь, глубоко под землей, сила тяжести ощущается сильнее...

– Ваше высочество, – пробормотал Делиамбер, – произнесите тост. Первый за понтифика, потом за его советников, потом...

– Да. Да, я знаю.

Валентин растерянно водил взглядом по сторонам, как ститмой в заливе, окруженный копьями охотников.

– Друзья... – начал он.

– За понтифика Тивераса, – резко прошептал Делиамбер.

Друзья... Да, рядом с ним сидят самые близкие люди. Почти все – нет Карабеллы и Элидата: она отправилась на запад, где он встретится с нею, а Элидат в отсутствие Валентина держит на Замковой горе бразды правления. Но все остальные здесь: Слит, Делиамбер, Тунигорн, Шанамир, Лизамон и Эрманар, Тизана, скандар Залзан Кавол и хьорт Эйзенхарт – да, самые дорогие ему люди, опора его жизни и царствования.

– Друзья, – сказал он, – поднимите кубки и присоединитесь к тосту. Как вам известно, Божество не даровало мне легкой и приятной жизни на троне. Вы все знаете, какие трудности выпали на мою долю, с какими испытаниями довелось столкнуться, какие задачи возложены на меня и какие серьезные проблемы до сих пор ждут решения.

– Мне кажется, это неуместно... – негромко проговорил кто-то за его спиной.

И опять бормотание Делиамбера:

– За его величество понтифика! Вы должны произнести тост за его величество понтифика!

И то, и другое Валентин пропускает мимо ушей. Слова идут откуда-то изнутри, будто сами по себе.

– И если мне будет дарована милость вынести эти беспримерные трудности, – продолжал он, – то лишь благодаря поддержке, любви и советам друзей и товарищей – а этим могли бы похвастать немногие из когда-либо царствовавших правителей. И именно с вашей неоценимой помощью, дорогие друзья, мы наконец добьемся спасения от бед, терзающих Маджипур, и вступим в эру истинного братства, которого так желаем. Итак, мы готовы – охотно и с радостью – выступить завтра в великое паломничество по нашему царству, и я, друзья, поднимая последний на сегодня тост – за вас, за тех, кто все эти годы поддерживал и направлял меня, и...

– Как странно он выглядит, – пробормотал Эрманар, – здоров ли он?

Валентина пронзил спазм ужасной боли. В ушах загудело, воздух в гортани и легких сделался горячим, как огонь. Он будто погружался в ночь – ночь столь ужасную, что она затмила весь свет и захлестнула его душу приливом черной крови. Кубок выпал у него из рук и разбился, и с ним раскололся весь мир, разлетелся на тысячи мелких осколков, что рассыпались по всем концам Вселенной. Головокружение сделалось невыносимым. И тьма – абсолютная, беспросветная, полное затмение...

– Ваше высочество! – крикнул кто-то. Хиссун?

– Он принимает послание! – другой голос.

– Послание? Не может быть! Ведь он не спит.

– Мой повелитель! Мой повелитель! Мой повелитель!

Валентин опустил взгляд. Все вокруг было черным, вверх от пола ползла тьма. Чернота будто звала его. Иди сюда, шептал тихий голос, вот твой путь, вот твоя судьба – ночь, тьма, гибель. Покорись! Покорись, лорд Валентин, что был короналем и что никогда не станет понтификом. Покорись. И Валентин покорился, поскольку пребывал в замешательстве и оцепенении духа, и ничего иного не смог сделать. Он заглянул в захлестывающий его черный омут и позволил себе упасть в него. Безропотно, не пытаясь хоть что-нибудь понять, он погрузился во всепоглощающую тьму.

«Я мертв, – подумал он. – Я плыву по течению черной реки, что возвращает меня к Источнику, и скоро я встану и пойду по берегу, чтобы найти дорогу к Мосту Прощаний, а потом перейду его и попаду в то место, где начинается и заканчивается всякая жизнь».

Его обьяло какое-то странное умиротворение, ощущение чудесной легкости и покоя, неодолимое чувство, что вся Вселенная слилась с ним в священной гармонии. Ему казалось, будто он наконец-то освободился от бремени власти и снова лежит в колыбели, завернутый в теплые пеленки. До чего же хорошо! Тихонько лежать, и пускай все тревоги проплывают мимо! Это что – смерть? Что ж, тогда смерть – это радость!

– *Мой повелитель, вы заблуждаетесь! Смерть – это конец всем радостям.*

– *Кто здесь?*

– *Вы знаете меня, мой повелитель.*

– Делиамбер? Ты тоже умер? Ах, старый друг, какое уютное и безмятежное место смерть!

– *Вы вне опасности, это да. Но вы не умерли.*

– *Но чувствую себя очень похоже.*

– *Вы настолько хорошо разбираетесь в смерти, мой повелитель, что так уверенно об этом рассуждаете?*

– *Но что же это, если не смерть?*

– *Больше похоже на чары, – сказал Делиамбер.*

– Твои, колдун?

– Нет, не мои. Но, если позволите, я могу их снять. Ну, просыпайтесь. *Просыпайтесь.*

– Нет, Делиамбер! Оставь меня.

– *Надо, мой повелитель.*

– Надо, – с горечью произнес Валентин. – Надо! Всякий раз надо! Неужели нет мне отдыха? Оставь меня здесь, Делиамбер. Это место – такое мирное, а я не воинственный человек.

– *Ну же, мой повелитель!..*

– *Скажи еще, что это мой долг.*

– *Нет нужды говорить то, что вы и так знаете. Просыпайтесь.*

Он открыл глаза и обнаружил, что не касается пола, а лежит, безвольно обвиснув, на руках Лизамон Халтин. Воительница несла его легко, как куклу, прижимая к огромной груди. Немудрено, что он вообразил себя лежащим в колыбели или же плывущим по черной реке! Рядом с ним находился Аутифон Делиамбер – он сидел на левом плече Лизамон. Кончики трех пальцев вруна касались его лба, щеки и груди, и Валентин понял, каким образом колдун вытащил его из обморока.

Чувствуя себя очень глупо, он сказал:

– Можешь опустить меня на землю.

– Вы очень слабы, ваше высочество, – громыхнула Лизамон в ответ.

– Думаю, не настолько. Поставь меня на ноги.

Осторожно, как будто Валентину по меньшей мере девятьсот лет, Лизамон поставила его на пол. Тут же головокружение вновь накрыло его, и он вытянул руки и оперся на великаншу,

которая на всякий случай не отходила от него. Зубы стучали, тяжелые одежды, будто саван, липли к влажной коже. Ему стало страшно, что стоит ему хоть на мгновение закрыть глаза, как тьма вновь поднимется и поглотит его. Но он заставил себя твердо встать на ноги, хоть это и была всего лишь видимость. Давние тренировки дали себя знать: какие бы страхи ни мучили его, он не мог допустить, чтобы его видели растерянным и слабым.

Мгновение спустя он успокоился и смог оглядеться. Его вынесли из большого зала, и сейчас он находился в каком-то ярко освещенном коридоре, стены которого были инкрустированы тысячами переплетающихся и наползающих друг на друга эмблем понтифика – повторяющимся символом Лабиринта, от которого рябило в глазах. Вокруг сбились в кучу испуганные и встревоженные люди: Тунигорн, Слит, Хиссун и Шанамир из его собственной свиты и несколько приближенных понтифика: Хорнкаст, старый Дилифон, и за их спинами еще полдюжины голов в желтых масках.

– Где я? – спросил Валентин.

– Уже подходим к вашим покоям, ваше высочество, – ответил Слит.

– Я долго был без сознания?

– Всего две или три минуты. Вы стали падать, когда говорили речь, но Хиссун и Лизамон поймали вас.

– Это все вино, – произнес Валентин, – думаю, я перебрал – кубок здесь, кубок там...

– Вы практически трезвы, – возразил Делиамбер, – и прошло всего несколько минут.

– Позволь мне еще какое-то время верить, что это было вино, – сказал Валентин.

Коридор повернул влево, и перед ним появилась огромная резная дверь его апартаментов – со знаком пылающей звезды и инкрустированной золотом личной монограммой Валентина – «ЛВК».

– Тизана, где ты? – позвал он.

– Я здесь, мой повелитель, – откликнулась толковательница снов.

– Отлично. Я хочу, чтобы ты вошла в покои вместе со мной. Еще Делиамбер и Слит.

Больше никто. Понятно?

– Могу ли я тоже войти? – раздался голос из свиты понтифика.

Это был тощий тонкогубый человек со странной пепельной кожей, и в следующее мгновение Валентин узнал его – Сепултров, личный врач понтифика Тивераса.

Валентин покачал головой:

– Благодарю за заботу, но, думаю, вы не понадобится.

– Но, мой повелитель, столь внезапный обморок требует диагноза.

– Его слова не лишены смысла, – тихо заметил Тунигорн.

Валентин пожал плечами:

– Ладно. Но попозже. Сперва позвольте мне поговорить с моими советниками, добрый Сепултров. А потом можете постучать мне по коленкам, если вам так уж хочется. Тизана, Делиамбер, пойдете.

Собрав последние остатки царственного достоинства, он вошел в апартаменты, и когда тяжелая дверь закрылась, отсекая суетящуюся в коридоре толпу, с тяжелым вздохом рухнул на парчовую кровать, не скрывая дрожь облегчения.

– Ваше высочество... – мягко начал Слит.

– Постой. Подожди. Дай прийти в себя.

Он потер пульсирующий лоб и зудящие глаза. Делать вид, что он быстро и полностью пришел в себя после случившегося на банкете, чем бы оно ни было, далось ему дорогой ценой. Но постепенно силы все же возвращались к нему. Он посмотрел на толковательницу снов: эта крепкая, сильная, широкая в кости пожилая женщина казалась ему сейчас самой надежной опорой.

– Тизана, сядь рядом со мной, – произнес Валентин.

Она опустилась рядом с ним и обняла его за плечи. Да, подумал Валентин. О да, хорошо! Тепло возвращалось в его замерзшую душу, и тьма отступала. А Валентина переполняла любовь к Тизане – крепкой, надежной, мудрой; именно она в дни изгнания первая открыто приветствовала его как лорда Валентина, тогда как сам он все еще считал себя простым жонглером. Как много раз, уже в годы его царствования, она делила с ним открывающее разум вино сновидений и обнимала его, чтобы вывести все тайны тревожных картин, что являлись ему во сне! Как часто облегчала она ему тяжелое бремя власти!

Правда, Валентину так и не удалось уговорить ее и остальных товарищей по былым скитаниям обращаться к нему попросту, не как к короналю, а как к жонглеру Валентину когда-то. На «ты» с ним теперь разговаривали только несколько друзей самых юных лет да Карабелла.

– Я очень испугалась, лорд Валентин, когда вы упали, а вы знаете, что меня нелегко напугать. Так вы считаете, что это было вино?

– Да, так я сказал там, в коридоре.

– Ну а я считаю, что вино тут ни при чем.

– Пожалуй, что так. Делиамбер думает, что это были чары.

– Чьи же? – спросила Тизана.

Валентин посмотрел на врууна:

– Чьи же?

Очень редко ему случалось видеть маленького колдуна в таком замешательстве: бесчисленные щупальца свивались и развивались, большие желтые глаза странно блеснули, клюв, похожий на птичий, открывался и закрывался.

– Я не знаю ответа, – сказал в конце концов Делиамбер. – Как и не все сны являются посланиями, так и не у всех чар есть создатели.

– То есть заклинания создаются сами по себе? – спросил Валентин.

– Не совсем так, мой повелитель. Бывает, что чары появляются спонтанно – изнутри, из пустот собственной души.

– О чем ты, Делиамбер? Я что, навел порчу сам на себя?

– Сны, чары – это все одно и то же, – мягко сказала Тизана. – Это те или иные предчувствия в твоём сердце. Они пытаются стать видимыми и принимают форму знамений. Надвигается буря, и это ранние предвестники.

– И ты так сразу все поняла? Знаешь, перед банкетом я видел дурной сон, и, скорее всего, он был наполнен знамениями, предчувствиями и признаками беды. Но ведь я ничего тебе не говорил, если, конечно, не болтал во сне.

– Думаю, мой повелитель, что вам приснился хаос.

Валентин уставился на нее:

– Откуда ты знаешь?

Пожав плечами, Тизана ответила:

– Потому что хаос должен наступить, и мы все об этом знаем. В мире осталось незаконченное дело, которое буквально вызывает к завершению.

– То есть меняющие облик, – пробормотал Валентин.

– Я не смею давать вам советы относительно государственных дел... – начала пожилая женщина.

– Избавь меня от излишних церемоний. От советников мне нужны советы, а не политес.

– Моя область – исключительно сны, – сказала Тизана.

– Мне снились снег на Замковой горе и жуткое землетрясение, расколовшее мир.

– Растолковать вам этот сон, мой повелитель?

– Как ты его растолкуешь, если мы еще не выпили вино сновидений?

– Сомневаюсь, что это хорошая идея, – заметил Делиамбер. – С короналя более чем хватит видений на сегодня, и сонное вино лишь повредит ему. Считаю, толкование стоит отложить...

– Этот сон растолкует и ребенок, – ответила ему Тизана, – даже без вина. Землетрясение? Распавшийся на части мир? Что ж, мой повелитель, вы должны готовиться к худшему.

– Но что ты все-таки имеешь в виду?

За нее ответил Слит:

– Это знамения войны, ваше высочество.

Валентин повернулся и посмотрел на невысокого человека.

– Война? – выкрикнул он. – *Война?* Я первым из короналей за восемь тысяч лет вывел войска на поле битвы. Неужели мне придется повторить это?

– Мой повелитель, – сказал Слит, – вы и сами знаете, что война за реставрацию была лишь первым сражением настоящей, большой войны, которая сейчас назревает. Много веков все шло к этой войне, и, думаю, вы понимаете, что ее не избежать.

– Неизбежных войн нет, – ответил Валентин.

– Вы уверены, мой повелитель?

Корональ взглянул на Слиту с гневом и печалью и ничего не ответил. О сказанном только что он успел догадаться сам, без посторонней помощи, но не хотел слышать подтверждений своей догадки, чтобы не наполнять душу невыносимой тревогой. Он встал и принялся молча расхаживать по комнате. У противоположной от двери стены огромная и жутковатая скульптура из резных костей морского дракона: обращенные вверх сцепленные ладони с переплетенными пальцами, но с тем же успехом она могла изображать и огромную зловещую пасть со смыкающимися клыками. Валентин довольно долго стоял перед ней, бесцельно поглаживая лоснящуюся полированную кость. Незаконченное дело, сказала Тизана. Да. Да. Меняющие облик. Меняющие облик, метаморфы, пьюривары – назовите их как угодно, но они коренные жители Маджипура, и это у них первопоселенцы со звезд отобрали их чудесный мир четырнадцать тысяч лет назад. «Уже девятый год, – думал Валентин, – я стараюсь понять чаяния этого народа, но так ничего и не знаю о них».

Он повернулся и сказал:

– Когда я поднялся, чтобы сказать тост, я думал о словах верховного глашатая Хорнкаста: «Корональ – это мир, а мир – это корональ». И внезапно я стал Маджипуром, и через меня прошло все, что происходило во всех концах мира.

– С вами уже бывало такое, – сказала Тизана, – в снах, которые я толковала вам: когда вы держали в правой руке двадцать миллиардов золотых нитей, растущих из земли, и другой сон, когда вы раскинули руки и обняли весь мир, и еще...

– В этот раз было по-другому, – сказал Валентин, – мир раскололся.

– Как?

– Буквально. Разлетелся на куски. Осталось только море тьмы, и я упал в него.

– Хорнкаст сказал очень верно и точно, – тихо ответила Тизана, – вы и есть мир, ваше величество. Со всего мира к вам притягиваются дурные эмоции и мысли. Так что, ваше величество, это действительно было послание, но не от Повелительницы, не от Короля Снов, а от самого мира.

Валентин посмотрел на врууна:

– Что скажешь на это, Делиамбер?

– Я знаком с Тизаной уже лет пятьдесят и ни разу не услышал от нее ни единой глупости.

– Значит, быть войне?

– Уверен, что война уже началась, – ответил Делиамбер.

Глава 2

Хиссун долго корил себя за опоздание на банкет. Первое официальное мероприятие с тех пор, как его неожиданно включили в свиту лорда Валентина, – и он не успевает вовремя. Непростительно!

В чем-то это была вина его сестренки Эйлимур. Пока он возился с парадным облачением, она постоянно суежилась вокруг него: то поправляла цепь на плече, то ее не устраивали длина и покрой туники, то она находила на его начищенных до блеска башмаках пятна, которых не видел никто, кроме нее. Ей было пятнадцать лет – трудный возраст для девочки, хотя Хиссун порой думал, что у девочек *любой* возраст трудный, – и она пыталась вести себя как настоящая хозяйка, лезть повсюду со своей точкой зрения и вникать во все домашние дела.

Эйлимур из всех сил старалась, чтобы Хиссун выглядел на пиру у короля достойно, но в итоге лишь помогла ему опоздать. Одну только нашивку с его званием – небольшой эпolet с изображением пылающей звезды, который полагалось носить на левом плече с аксельбантом, – она прилаживала, как ему показалось, минут двадцать, постоянно сдвигая на доли дюйма то туда, то сюда, чтобы попасть точно в центр, и наконец сказала:

– Ну-ка, посмотри. Отлично, правда!

Она схватила свое зеркальце – старое, все в пятнах, исцарапанное и ржавое с обратной стороны, и сунула ему под нос. Хиссун увидел в нем свое тусклое и искаженное отражение – какой-то незнакомец, пышно разодетый, будто на маскарад. Костюм выглядел совершенно неестественно, театрально, но в то же время наполнял душу совершенно новым ощущением спокойствия и власти. Вот чудеса, подумал он: как изменил его костюм, второпях подогнанный портным с Площади Масок. Он больше не суеливый уличный оборвыш Хиссун, и не беспокойный, неуверенный в себе молодой чиновник Хиссун теперь он – щеголь, павлин, гордый соратник короля.

А еще он опаздывает. Но если поспешит, то может добраться до Большого зала понтифика вовремя.

Но тут возвратилась с работы его мать Эльсинома, и пришлось еще ненадолго задержаться. Она вошла в его комнату – невысокая, бледная, с темными волосами и усталым взглядом – и уставилась на него в страхе и восхищении, как на комету, которую кто-то поймал и пустил летать по их убогой квартире. Ее глаза светились, а лицо сияло, Хиссун никогда раньше не видел мать такой.

– Ах, Хиссун, ты выглядишь великолепно! Потрясающе!

Он усмехнулся и повернулся вокруг себя, демонстрируя свое величие.

– Абсурд какой-то, правда? Я похож на рыцаря с Замковой горы!

– Ты похож на принца! На короля!

– Ага, лорд Хиссун. Но тогда мне еще надо горностаевую мантию, хороший зеленый камзол и, пожалуй, большой яркий медальон в виде пылающей звезды на шею. Но ведь и так неплохо, верно, мама?

Они засмеялись, и, несмотря на усталость, мать обняла его и немного протанцевала с ним по комнате. Отпуская его, она сказала:

– Уже поздно, тебе пора.

– Да, пора. – Он пошел к двери.

– Как это все странно, мама, – идти на пир к королю, сидеть рядом с ним, сопровождать его в великом паломничестве, поселиться на Замковой горе...

– Да, это очень странно, – тихо ответила Эльсинома.

Они встали в ряд – Эльсинома, Эйлимур, младшая сестренка Мараун, и посерьезневший Хиссун поцеловал их, пожал руки, а когда они попытались обнять его, отстранился, чтобы не

память одежду. Мать и сестры глядели на него, как на самого короналя, а то и вовсе какое-то богоподобное существо, как будто он не принадлежал к их семье, а спустился этим вечером с небес, чтобы немного пройтись по их мрачным комнатам. И на мгновение ему самому показалось, будто он не провел все восемнадцать лет своей жизни в тесной и темной квартире на первом уровне Лабиринта, но всегда был и есть Хиссун с Замковой горы, посвященный в рыцари, постоянный гость королевского двора и знаток всех его удовольствий.

«Глупость. Безумие. Всегда помни, кто ты такой, – сказал он себе, – и откуда ты родом».

Но и не думать о произошедших в их жизни переменах трудно, думал он, спускаясь по бесконечной винтовой лестнице на улицу. Столько перемен! Когда-то они с матерью добывали пропитание на улицах Лабиринта: она выпрашивала милостыню у проходящих мимо господ, он бегал за туристами и настойчиво предлагал за небольшую сумму – полреала, редко больше, – стать их проводником по красотам и чудесам подземного города. И теперь он – юный протеже короналя, а мама благодаря его новым связям распоряжается винами в кафе на Дворе Шаров. И все из-за его удачи, необычного и непостижимого везения.

Или дело не только в везении? Когда ему было всего десять лет от роду, он предложил свои услуги проводника высокому светловолосому человеку, и кто бы мог подумать, что тот человек оказался не кем иным, как лордом Валентином – свергнутым, изгнанным и ищущим в Лабиринте поддержки понтифика, чтобы вернуть престол.

Но и то, что это был лорд Валентин, еще ничего не значило. Хиссун часто спрашивал себя, чем же он так приглянулся лорду Валентину, что тот, вернув себе корону, вспомнил его, нашел, забрал с улицы, дал работу в Доме Записей и вот теперь призывает его в святая святых государственного управления. Возможно, дело в его бесцеремонности, колкостях, в его независимом поведении и полном отсутствии благоговения перед короналями и понтификами, в самостоятельности, проявлявшейся даже в десять лет. Должно быть, это впечатлило лорда Валентина. А все эти рыцари с Замковой горы, подумал Хиссун, такие вежливые, воспитанные. Наверное, я казался короналю чужаком почище какого-нибудь гэйрога. И ведь в Лабиринте полно таких мальчишек, и любой из них мог ухватиться за рукав короналя вместо меня. Повезло. Повезло.

Он вышел на небольшую пыльную площадь перед домом. Перед ним лежали узкие кривые улочки Двора Гуаделума – района, в котором он прожил всю свою жизнь. Над головой возвышались кривобокие здания, пришедшие в ветхость за тысячу лет и составлявшие границу его мира. Под резким белым светом, ярким до рези в глазах – таким светом, столь непохожим на тихое золотистое с зеленью сияние солнца, лучи которого никогда не проникали сюда, освещался весь этот уровень Лабиринта, – выщербленные серые камни старых домов прямо кричали о страшной усталости и изношенности. Хиссун подумал, что раньше не замечал, как же тут мрачно и убого.

На площади было полно народу. Не многим жителям Двора Гуаделума хотелось коротать вечера в темных квартирах, поэтому народ собирался на улицах на своего рода променады – просто бесцельно послоняться. Пока Хиссун в своих блистающих одеждах пробирался сквозь толпу, ему казалось, что все, кого он когда-либо знал, вышли сегодня на улицу, чтобы похихикать над ним, поглазеть на него, кто хмуро, а кто и сердито. Он увидел Ванимуна, который родился с ним в один и тот же день и час и был ему почти как брат, и младшую сестру Ванимуна, уже подросток, стройную с миндалевидными глазами, и Хойлана, и его трех здоровенных братьев, и Никкилона, и невысокого косоного Гизнета, и врууна с глазами-бусинками, продающего засахаренные корни гумбы, и Конфалюма-карманника, тезку древнего понтифика, и старых сестер-гэйрогов, которых все, кроме Хиссуна, за глаза звали метаморфами, и еще кого-то, и еще, и еще... И все уставились на него, словно спрашивая: «Куда же ты, Хиссун, такой красивый собрался?»

Он с трудом пробирался сквозь толпу, отчаянно сознавая, что банкет вот-вот начнется, а ему еще так далеко идти. И все, кого он когда-либо знал, глазели и не давали пройти.

Первым его окликнул Ванимун:

– Хиссун, ты куда? На маскарад?

– Нет, он на Остров собрался, с Повелительницей в спички играть!

– Нет, он будет охотиться на морских драконов с понтификом!

– Дайте пройти, – спокойно сказал Хиссун, видя, что вокруг него собирается толпа.

– Дайте пройти! – весело подхватили вокруг, но никто не двинулся с места. – Дайте ему пройти!

– Хиссун, ты где взял такой чудной прикид? – спросил Гизнет.

– Поносить взял, – сказал Хойлан.

– Украл то есть, – добавил кто-то из его братьев.

– Небось раздел пьяного рыцаря где-нибудь в переулке!

– Пустите, – сказал Хиссун, которому все труднее было оставаться спокойным. – У меня важное дело.

– Важное дело! У него важное дело!

– У него встреча с понтификом!

– Понтифик сделает Хиссуна герцогом!

– Герцог Хиссун! Принц Хиссун!

– А чего сразу не лорд Хиссун?

– Лорд Хиссун! Лорд Хиссун!

В их голосах звучала угроза. Десять или двенадцать человек обступили его плотным кольцом. Ими двигали обида и зависть. Его яркий костюм, цепь на плече, эмблема, башмаки, плащ – все это было для них чересчур, слишком уж бесцеремонно подчеркивало разverzшуюся между ним и соседями пропасть. Вот уже они дергают его за тунику и за цепь. Хиссун был близок к панике. Пытаться говорить с ними было глупо, драться – еще более глупо, а уж надеяться на патруль имперских прокторов в таком захудалом районе – и вовсе безнадежно. Он был один-одинешенек.

Стоявший ближе всех Ванимун попытался толкнуть Хиссуна в плечо. Тот отпрянул, но Ванимун успел оставить след грязных пальцев на его бледно-зеленом плаще. Внезапно его захлестнула бешеная ярость.

– Только тронь меня еще раз! – закричал он, делая в сторону Ванимуна знак морского дракона. – Не смейте ко мне прикасаться!

С издевательским смехом Ванимун снова протянул руку, но Хиссун поймал его за запястье и сжал из всей силы.

– Эй, пусти! – прокричал Ванимун.

Вместо этого Хиссун дернул руку Ванимуна вверх и назад, развернув его спиной к себе. Маленький и шуплый Хиссун никогда не был силен в драке, он больше полагался на скорость и находчивость, но ярость придала ему силы. Сейчас он весь кипел и готов был убивать. Низким, дрожащим от напряжения голосом он произнес:

– Ванимун, если понадобится, я тебе и руку сломаю. Не смейте ко мне прикасаться!

– Больно же!

– Будешь еще руками размахивать?

– Да я только пошутил...

Хиссун завернул руку Ванимуна еще выше, до предела:

– Сейчас сломаю.

– Эй... Пусти...

– Не приближайся ко мне.

– Да. Да! Хорошо!

Хиссун отпустил его руку и перевел дыхание. Он весь вспотел, сердце колотилось. О том, как он сейчас выглядит, не хотелось даже думать. И все труды Эйлимур пропали...

Ванимун отступил, угрюмо потирая запястье:

– Боится он, что я ему одежду запачкаю. Не хочет мараться о простой народ...

– Точно. А теперь иди отсюда, я и так опаздываю.

– К короналю на ужин, полагаю?

– И снова точно. Я опаздываю на ужин к короналю.

Ванимун и остальные вытаращились на него со странной смесью злости и благоговения на лицах. Хиссун растолкал всех и быстро зашагал через площадь.

«Не слишком удачное начало», – подумал он.

Глава 3

Однажды в середине лета, когда солнце неподвижно стояло над Замковой горой, корональ лорд Валентин в наилучшем настроении выехал прогуляться по усыпанным цветами лугам у подножия левого крыла Замка.

Он отправился один, не взял с собой даже свою супругу – леди Карабеллу. Советники постоянно возражали против его выходов без охраны даже в пределах Замка, а уж тем более – за обширный периметр резиденции правителя, и всякий раз во время спора Элидат бил по ладони кулаком, Тунигорн выпрямлялся во весь рост, будто хотел преградить собой Валентину путь, а невысокий Слит буквально чернел от ярости и напоминал короналю, что враги уже свергали его и могут сделать это снова.

– Ах, на Замковой горе мне совершенно ничего не может угрожать, – настаивал Валентин.

Но им всегда удавалось переспорить его – вплоть до сегодняшнего дня. Безопасность короналя Маджипура, говорили они, превыше всего. И поэтому куда бы лорд Валентин ни ехал, рядом с ним всегда находились Элидат, или Тунигорн, или Стазилейн, как когда-то в детстве, а на почтительном расстоянии незаметно следовали еще шестеро солдат гвардии короналя.

Однако в этот раз Валентин каким-то образом ускользнул от них. Он сам толком не понял, как ему это удалось, но когда утром он ощутил непреодолимое желание проехать верхом, то просто пошел в конюшни южного крыла, оседлал своего скакуна без помощи конюха и поскакал по зеленым фарфоровым плитам необычно пустой площади Дизимоля, стремительно пронесся под огромной аркой и очутился на Большом Калинтэйнском шоссе, окаймленном живописными полями. Никто не остановил его, никто не окликнул, словно он по волшебству сделался невидимым.

Пусть на час или на два, но свободен! Корональ откинул голову и захохотал, как давно не смеялся, подстегнул скакуна и помчался через луга так быстро, что копыта огромного пурпурного животного почти не касались бесчисленных цветов.

Вот это жизнь!

Он обернулся. Замок позади стремительно уменьшался в размерах, но даже с такого расстояния казался невероятно огромным, растянутым больше чем на полгоризонта. Непостижимое здание из более сорока тысяч комнат казалось каким-то огромным чудовищем, забравшимся на вершину Горы. После возвращения на трон Валентин ни разу не бывал вне Замка без охраны. Ни единого раза.

Зато теперь выбрался. Валентин посмотрел налево, где тридцатимильная Замковая гора спускалась вниз под головокружительным уклоном, и увидел Горный Морпин, город удовольствий, сверкающий внизу как изящная золотая паутина. Поехать туда, провести день в развлечениях? Почему бы и нет? Ведь он свободен! Или поехать дальше, побродить в садах Барьера Толингара среди халатинг, танигалов и ситериллов и вернуться с желтым цветком алабандины на шляпе вместо кокарды? Почему бы и нет? Весь день в его распоряжении. А можно поехать в Фурибл, посмотреть там на кормление каменных птиц, поехать в Сти и выпить золотого вина на вершине башни Тимина, отправиться в Бомбифейл, в Перитол, в Банглекод...

Скакун, казалось, способен довести его куда угодно. Час за часом он нес всадника, не выказывая ни малейших признаков утомления. В Горном Морпине он привязал его у фонтана Конфалюма, выбрасывавшего на сотни футов в воздух прямые, как копья, струи окрашенной воды, которые благодаря какой-то древней магии не разбрызгивались и оставались такими же прямыми, а сам пошел бродить по улицам из плотно переплетенных золотых канатов и скоро вышел к зеркальным горкам, где они с Вориаксом, будучи детьми, часто проверяли свою лов-

кость. Он вышел на сверкающую поверхность, и никто не обратил на него внимания, будто все считали неучтивым глазеть на катающегося с горки короналя. Или, может быть, он все еще оставался скрытым от посторонних глаз этой непонятной невидимостью? Ощущение было странным, но он не придавал ему большого значения. Накатавшись вдоволь, он сперва подумал посетить силовые туннели или джаггернауты, но затем решил, что просто поехать дальше будет гораздо приятнее, и отправился в Бомбифейл. В этом древнем городе, самом красивом из всех городов, где закругленные стены из темно-оранжевого песчаника венчали изящные белые башни с коническими крышами, однажды, давным-давно, когда он отдыхал в одиночестве в таверне со сводами из оникса и полированного алебаstra, его нашли пятеро его друзей. С удивлением и смехом Валентин приветствовал их, а они преклонили перед ним колени, сделали знак пылающей звезды и крикнули: «Валентин! Лорд Валентин! Слава лорду Валентину!» И первой мыслью его тогда было, что это какая-то дурная шутка, ведь он не корональ, он – младший брат короналя и отлично знает, что короналем ему не стать и вовсе не хочет им становиться. И хотя он был не из тех, кто легко впадает в гнев, но тогда рассердился, что друзья так жестоко шутят. Но потом он увидел их бледные лица и странное выражение глаз, и на смену гневу пришли горе и страх. Так он узнал, что его брат Вориакс погиб и корональ теперь он. И сейчас, спустя десять лет, Валентину в Бомбифейле показалось, что каждый третий встречный мужчина похож на Вориакса: черная борода, красное лицо, жесткий взгляд. Это расстроило его, и он поспешил покинуть Бомбифейл.

Больше он не останавливался, ведь столько еще предстояло увидеть, так много сотен миль проехать. Он проезжал город за городом, спокойно и бестревожно, как будто плыл или летел. Снова и снова открывался перед ним с края обрыва удивительный вид на всю Гору внизу, на все ее Пятьдесят городов сразу, на бесчисленные города у ее подножия, на Шесть Рек и на широкую равнину Алханроэля, простирающуюся до отдаленного Внутреннего моря. Какое великолепие, какое изобилие! Без сомнения, Маджипур был самым прекрасным из миров, по которым расселилось человечество за тысячи лет великой экспансии за пределы Старой Земли. И весь этот мир держит в руках он, он отвечает за все, и от этой ответственности нельзя отказаться.

Продолжая путь, он почувствовал, что происходит что-то непонятное. Воздух стал холодать, небо потемнело, и это было очень необычно для Замковой горы с ее рукотворным климатом, где всегда царила благоуханная весна. Затем его легонько ударило по щеке что-то холодное, будто кто-то плюнул. Валентин оглянулся по сторонам, но так и не увидел никого, кто мог бы его оскорбить, а плевки все продолжались, и наконец он догадался, что это ледяной ветер швыряет ему в лицо крупные снежинки. Снег на Замковой горе? Холодный ветер?

Дальше хуже: земля вдруг застонала, словно чудовище в родовых муках. Скакун, который всегда слушался его, в страхе попятился со странным ржанием, трясся в испуге тяжелой головой. Валентин услышал раскаты грома вдалеке и странный скрипящий звук совсем близко и увидел ползущие по земле огромные трещины. Все вокруг бешено тряслось и вздымалось. Землетрясение? Вся Гора тряслась, как мачта корабля охотников за драконами под напором горячего сухого ветра с юга. Небо стало свинцово-темным, налилось внезапной тяжестью.

Что это? Милостивая Госпожа, матушка, что творится на Замковой горе?

Валентин отчаянно приник к спине брыкающегося перепуганного животного. Казалось, весь мир раскалывался, рассыпался, растекался, рушился. И его долг – сохранить этот мир, прижав континенты к груди, удержать моря на своих местах, вернуть в русла реки, что поднялись в злобной ярости на беспомощные города...

И он не мог ничего сделать.

Происходившее оказалось неподвластно ему. Могучие силы ставили на дыбы целые провинции и бросали войной друг на друга. Валентин пытался удержать их, жалея, что у него лишь руки, а не железные обручи, которыми можно было бы стянуть мир. И опять не смог ничего

сделать. Мир дрожал, вздымался, раскалывался, черные облака пыли закрыли лик солнца, а Валентин не в силах был подавить этот чудовищный катаклизм. Одному человеку не под силу остановить распад огромной планеты. Он позвал друзей на помощь:

– Лизамон! Элидат!

Ответа не было. Он кричал снова и снова, но его голос утонул в грохоте и скрежете.

Мир лишился стабильности. Происходившее походило на аттракцион «зеркальные горки» в Горном Морпине, где надо подпрыгивать и пританцовывать, чтобы устоять на ногах, а изгибающиеся склоны вращаются и раскачиваются, но то была игра, а здесь – настоящий хаос. Мир отрывался от корней. Валентина сбило с ног и покатило, он изо всех сил цеплялся пальцами за мягкую податливую землю, чтобы не упасть в одну из многочисленных трещин, разверзшихся вокруг. Из трещин слышался ужасный смех и вырывалось багровое сияние упавшего под землю солнца. В воздухе над ним проплывали искаженные злобой лица, и он вроде бы должен был узнать их, но они все время изменялись, не позволяя разглядеть себя, глаза становились носами, носы – ушами. И вдруг за всеми этими кошмарными рожами он увидел другое лицо, знакомое, с теплым и добрым взглядом, обрамленное блестящими темными волосами. Владычица Острова Сновидений, его добрая мать!

– Хватит, – сказала она, – просыпайся, Валентин!

– Это сон? Я сплю?

– Конечно.

– Тогда я должен досмотреть его, чтобы понять.

– Ты уже понял все, что нужно. Просыпайся.

Да, не стоило перебирать, избыток подобного знания мог бы и убить его. Как его когда-то учили, он выдернул себя из неожиданного сновидения и теперь сидел, моргая, пытаясь избавиться от оцепенения и замешательства. Картины титанического катаклизма все еще эхом отдавались в его душе, но постепенно он осознал, что вокруг него мир и покой. Он лежал на покрытой дорогой парчой кушетке в высокой сводчатой комнате, отделанной зеленым и золотым. Но что остановило землетрясение? Куда девался его скакун? Как он сам здесь оказался? А, его принесли!

Рядом с ним устроился на корточках бледный худой седовласый человек с рваным шрамом во всю щеку. Слит. А за ним стоит Тунигорн – мрачный, брови сошлись в одну сердитую линию.

– Успокойтесь, – говорит Слит, – успокойтесь. Это был сон, теперь все хорошо.

Сон? Всего лишь сон?

Похоже, что да. Он вовсе не на Замковой горе. Не было ни снежной метели, ни землетрясения, ни пыли, затмевающей солнце. Сон, да. Но до чего ужасный! Пугающе убедительный и яркий, настолько мощный, что из него трудно вернуться к реальности.

– Что это за место? – спросил Валентин.

– Лабиринт, ваше высочество.

Что? Лабиринт? То есть, получается, его во сне перенесли сюда с Замковой горы? Валентин чувствовал, как по его бровям стекают капли пота. Лабиринт? Ах, да, да. Действительность, неотвратимая, как сжатые на горле руки. Он вспомнил. Государственный визит, до окончания которого, хвала Божеству, осталась одна ночь. Ужасный банкет, от которого никак не отвертеться, и Проклятый, невыносимый Лабиринт, и он находится сейчас на самом нижнем его уровне. Стены в его апартаментах украшали чудесные фрески с видами Замка, Горы, Пятидесяти городов – настолько красивыми, что сейчас они казались ему издевательством. Он так далеко от Замковой горы, от ласкового солнечного тепла...

«До чего же безрадостно, – подумал он, – проснуться от кошмарного сна, полного бед и разрушения, только для того, чтобы осознать себя в самом мрачном месте на земле!»

Глава 4

За шестьсот миль к востоку от сверкающего яркими кристаллами города Дюлорна, в болотистой местности, известной как Престимионова долина, где несколько сотен семейств гэйрогов выращивали на широко раскинувшихся плантациях лусавендру и рис, подходило время сбора урожая – середина года. Почти созревшие стручки лусавендры – черные, блестящие и пузатые, свисали пышными гроздьями с верхушек изогнутых стеблей, поднимавшихся над полузатопленными полями.

Аксимаан Трейш – старейшая и умнейшая фермерша Престимионовой долины – десятилетиями не испытывала такого волнения, как в эту страду. Эксперимент по протопластовой подкормке, который она начала три года назад под руководством правительственного сельскохозяйственного агента, близился к завершению. В этом году она засеяла новым видом лусавендры все свои поля, и вот они, стручки, в два раза крупнее обычных, готовые к сбору! Никто больше в Долине не отважился на такой риск, пусть Аксимаан Трейш сперва попробует. И она попробовала, и скоро об ее успехах узнают все, и заплачут, да-да, заплачут, когда она появится на рынке на неделю раньше остальных и со вдвое большим, чем обычно, количеством зерна!

Она стояла по колено в грязи на краю поля и ощупывала пальцами ближайшие стручки, пытаясь понять, насколько они созрели, когда к ней подбежал один из старших внуков:

– Отец велел сказать вам, что он слышал в городе, что из Мазадоны выехал сельскохозяйственный агент. Он уже в Хелкаплоде, а завтра поедет в Сиджанил.

– Значит, на вторник он будет в Долине, – сказала она. – Хорошо. Отлично. – Ее раздвоенный язык затрепетал. – Беги, дитя, возвращайся к отцу. Скажи, что в моредень мы устроим праздник для агента, а сбор урожая начнем на четверодень. И пусть вся семья через полчаса соберется в усадьбе. А теперь беги!

Плантация принадлежала семье Аксимаан Трейш со времен лорда Конфалюма. Она имела форму неправильного треугольника, границы которого тянулись около пяти миль вдоль берега реки Хэвилбоув, в юго-восточном направлении доходили неровной линией до границ Мазадонского лесного заповедника, и затем плавно сворачивали обратно на север, к реке. На этом участке Аксимаан Трейш имела абсолютную власть над пятью сыновьями, девятью дочерьми, бесчисленными внуками и двадцатью с чем-то работниками – лиименами и вруунами. Когда Аксимаан Трейш говорила, что пора сеять, – все выходили сеять. Когда Аксимаан Трейш говорила, что пришла пора собирать урожай, – они собирали. В большом доме на краю андродрагмовой рощи обед подавали лишь тогда, когда Аксимаан Трейш выходила к столу. Даже спала семья по расписанию, утвержденному Аксимаан Трейш – гэйроги впадают зимой в спячку, но она не могла позволить спать всему семейству сразу. Так, ее старшему сыну было положено бодрствовать первые шесть недель, пока мать зимой спала, следующие шесть недель без сна доставались старшей дочери. Аксимаан Трейш составляла для всей семьи расписание сна сообразно нуждам хозяйства. Никто никогда не задавал ей вопросов. Даже во времена ее молодости – а это было очень-очень давно, при понтифике Осьере, когда лорд Тиверас был короналем в Замке на Горе, – в тяжелые времена все шли за советом именно к ней, даже отец и муж. Она пережила и их обоих, и некоторых своих потомков, на Замковой горе сменилось много короналей, а Аксимаан Трейш все жила и жила. Ее толстая чешуйчатая кожа утратила блеск и покрылась фиолетовыми старческими пятнами, вьющиеся змееподобные волосы, бывшие когда-то черными как смоль, стали бледно-серыми, холодные немигающие зеленые глаза помутнели, но все равно она неустанно работала.

На ее земле можно было выращивать только лусавендру и рис, да и то с трудом. Ливни и бури с дальнего севера легко попадали в провинцию Дюлорн через скальный проход Разлома, и хотя сам город Дюлорн стоял в засушливой зоне, к западу от него лежала богатая и

плодородная, щедро увлажняемая и хорошо осушаемая местность. А вот район к востоку от Разлома, где располагалась Престимионова долина, был совсем иным – влажным, полностью заболоченным, с тяжелой сизой илистой почвой. При тщательном соблюдении сроков, в конце зимы, перед началом весенних паводков можно было сажать рис, а поздней весной и в конце осени – лусавендру. Аксимаан Трейш разбиралась в сезонных ритмах лучше всех в округе, и только самые нетерпеливые фермеры начинали сев до того, как просачивались слухи о том, что на ее полях приступили к посадкам.

Несмотря на всю властность, престиж и авторитет, у Аксимаан Трейш была одна черта, которую жители Долины считали непостижимой: она внимательно, как примерный ученик к учителю, прислушивалась к советам сельскохозяйственных агентов. Два или три раза в год агент из Мазадоны – центрального города провинции – объезжал болотистые земли, и первой его остановкой в долине всегда была плантация Аксимаан Трейш. Она принимала его в большом доме, открывала бочки с игристым вином и самогоном из нийка, посылала внуков на Хэвилбоув наловить вкусных мелких хиктиганов, что сновали между камнями на быстрине, приказывала разморозить хранящиеся впрок стейки из мяса бидлака и поджарить их на длинных ароматных твейловых поленьях. После пиршества она отводила агента в сторонку, и до поздней ночи они говорили об удобрениях, рассаде, прививках, уборочной технике, а ее дочери Хейнок и Ярнок сидели рядом и записывали каждое слово.

И никто не мог понять, почему Аксимаан Трейш, которая, скорее всего, знала о выращивании лусавендры больше всех на свете, прислушивалась к словам мелкого правительственного служащего. Никто, кроме ее семьи. «У нас есть традиции, и мы будем их придерживаться, – часто говорила она, – мы делаем то же, что и раньше, потому что раньше это себя оправдывало. Сажаем семена, ухаживаем за саженцами, следим, как зреет урожай, потом собираем, ну а потом точно так же начинаем снова. И если урожай не меньше прошлогоднего, то считается, что все хорошо, а на самом деле это неудача, и значит, что мы едва справляемся. Мир устроен так, что нельзя стоять на месте. Стоять на месте – значит утонуть в болоте».

Вот поэтому Аксимаан Трейш выписывала журналы по сельскому хозяйству и время от времени посылала внуков учиться в университет, и всякий раз внимательно прислушивалась к сельскохозяйственным агентам. Год за годом ее агротехнические методы совершенствовались, и все больше мешков с семенами лусавендры отправлялись на рынок в Мазадону, и риса в закромах Аксимаан Трейш становилось все больше. Ведь всегда можно научиться делать лучше, чем умеешь, и Аксимаан Трейш старательно училась. «Маджипур – это мы, – любила повторять она. – Большие города стоят на подножиях из зерна. Не будь нас, опустели бы и Нимойя, и Пидруид, и Кинтор, и Пилиплок. Города растут с каждым годом, значит, и нам нужно работать больше, чтобы их всех накормить, разве не так? У нас нет другого пути, такова воля Божества. Разве не так?»

На ее памяти сменилось уже пятнадцать, если не двадцать агентов. Впервые они приезжали к ней совсем молодыми, с новейшими агротехническими идеями, и часто боялись предложить их ей. «Не думаю, что смогу чему-нибудь вас научить, – говорили они, – это я должен учиться у вас, Аксимаан Трейш!» И ей каждый раз приходилось подбадривать их и убеждать, что ей действительно интересны последние достижения науки и техники.

Поэтому, когда агенты уходили в отставку, на их место приходили молодые, она каждый раз испытывала досаду. С возрастом ей все труднее становилось налаживать полезные отношения с молодежью, порой на это уходило несколько лет. Но с Калиманом Хэйном, который появился пару лет назад, проблем не возникло. Это был молодой парень лет тридцати-сорока или пятидесяти – все младше семидесяти казались Аксимаан Трейш молодыми; резкий и бесцеремонный, он не заискивал и не пытался льстить, чем пришелся ей по вкусу.

– Говорят, что из всех фермеров вы чаще всех применяете новинки, – сказал он прямо буквально через десять минут после знакомства. – А что бы вы сказали насчет метода, позволяющего удвоить урожай лусавендры без ущерба для вкуса?

– Я бы сказала, что меня держат за дурочку, – ответила она, – слишком уж заманчиво, чтобы быть правдой.

– Тем не менее это возможно.

– Неужели?

– Мы готовы начать опытное применение в ограниченных масштабах. От своих предшественников я слышал, что вы склонны к экспериментам.

– Да, это так, – сказала Аксимаан Трейш. – И что же это за технология?

По словам агента, речь шла о протопластовой подпитке, при которой ферменты растворяют клеточную оболочку растений, обеспечивая генетическому материалу доступ внутрь. Это вещество затем может подвергнуться обработке, после которой клеточная ткань, или протопласт, помещается в культурное растение, где ему дают восстановить клеточную оболочку. Из одной-единственной клетки можно вырастить целое растение со значительно улучшенными характеристиками.

– Я думала, что это искусство на Маджипуре утратили сотни тысяч лет назад, – сказала Аксимаан Трейш.

– Лорд Валентин поощряет возрождение интереса к древним наукам.

– Лорд Валентин?

– Да, лорд Валентин, корональ, – ответил Калиман Хэйн.

– Ах, корональ! – Аксимаан Трейш отвела взгляд. Валентин? Валентин? Ей вроде бы говорили, что короналя зовут Вориакс, но мгновением позже она вспомнила, что Вориакс погиб. А его место занял лорд Валентин, точно, она слышала. Еще немного подумав, она вспомнила, что с этим Валентином вроде бы случилось нечто странное – не он ли поменялся телами с другим человеком? Может, и он. Но коронали мало что значили для Аксимаан Трейш, она не покидала Престимионову долину не то двадцать, не то тридцать лет, и Замковая гора с ее обитателями находилась так далеко, что воспринималась как нечто мифическое. Для Аксимаан Трейш имело значение, лишь то, что было непосредственно связано с выращиванием риса и лусавендры.

Калиман Хэйн рассказал ей, что в имперских ботанических лабораториях получили усовершенствованный клон лусавендры, который надо испытать в полевых условиях. И он пригласил ее принять участие в испытаниях, а за это обещал не предлагать новое растение больше никому в Престимионовой долине, пока она не засеет им все свои поля.

Желание попробовать было непреодолимо. Агент дал ей мешочек поразительно больших лусавендровых зерен – круглых, блестящих, размером с глаз скандара. Она посадила эти зерна на дальнем участке, чтобы избежать переопыления с нормальной лусавендрой. Зерна быстро взошли и дали побеги, отличавшиеся от обычных лишь двойной-тройной толщиной стебля. Потом они зацвели, и махровые пурпурные цветки были огромными, как блюда, и дали по четыре стручка небывалой длины, из которых в пору сбора урожая были извлечены гигантские зерна в огромных количествах. Аксимаан Трейш испытывала искушение посадить их осенью, чтобы засеять все свои поля новым сортом лусавендры и следующей зимой собрать небывалый урожай. Но ей не пришлось этого сделать, так как по соглашению она вернула Калиману Хэйну почти все чудесные зерна для лабораторных исследований в Мазадоне. Но того, что он ей оставил, хватило, чтобы засеять почти пятую часть ее земель. В этом сезоне, по инструкциям, надо было сажать зерна нового сорта вместе с обычными, чтобы они переопылились и все растения приобрели улучшенные характеристики. Предполагалось, что черты нового сорта окажутся доминантными, но в таких масштабах исследования еще не проводились.

И хотя Аксимаан Трейш запретила говорить об эксперименте, в Престимоновой долине невозможно было долго держать новость в тайне от других фермеров. Растения второго поколения с толстыми стеблями, поднимавшиеся по всей плантации, едва ли можно было скрыть, и тем или иным путем вся долина узнала, чем занимается Аксимаан Трейш. Любопытные соседи напрашивались в гости и с изумлением глазели на новую лусавендру.

Но все же они сомневались.

– Такие растения высосут из почвы все питательные вещества за два-три года, – говорили одни. – Если она и дальше будет их сажать, то вся ее земля превратится в пустыню.

Другие думали, что гигантские зерна окажутся безвкусными или вовсе горькими. Третьи считали, что Аксимаан Трейш знает, что делает, но даже они считали, что пусть урожай она получит сперва на своем поле.

В конце зимы она собрала урожай. Обычные семена, как всегда, отправились на рынок, а гигантские были отложены на посадку. В третьем сезоне все встанет на свои места: одни гигантские зерна были от клонов, другие, возможно, большая часть, были от гибридов простой и гигантской лусавендры, и оставалось только посмотреть, какие зерна дадут эти гибриды.

В конце зимы, перед весенними паводками, пришла пора сажать рис. Когда с рисом управились, в самой высокой и сухой части полей посадили семена лусавендры. Всю весну и лето Аксимаан Трейш наблюдала, как вырастают толстые побеги, раскрываются гигантские цветы, удлиняются и темнеют толстые стручки. Время от времени она разламывала стручок и рассматривала мягкие зеленые семена. Они были большими, без сомнения. Но каковы они будут на вкус? Вдруг безвкусными или невкусными. Ее ставкой в этой игре был весь урожай.

Что ж, и скоро будет ответ.

В звездодень пришло известие о приезде сельскохозяйственного агента и о том, что на плантации он будет, как и ожидалось, во втородень. Но были и другие новости, беспокоящие и загадочные: приезжает вовсе не Калиман Хэйн, а другой агент, какой-то Эревейн Нур. Аксимаан Трейш не могла понять, как это Хэйн, такой молодой, вдруг ушел в отставку. Еще ее выбивало из колеи, что исчез он как раз перед завершением опытов с протопластом.

Эревейн Нур оказался еще более молодым, чем Хэйн, и раздражающе неопытным. Он начал было в затасканных цветистых выражениях говорить, какая большая для него честь познакомиться с ней, но Аксимаан Трейш оборвала его.

– А куда девался тот? – резко спросила она.

Нур ответил ей, что этого никто не знает, и, запинаясь, объяснил, что Хэйн ушел три месяца назад, ничего никому не сказав, и оставив после себя ужасный беспорядок в делах.

– Мы до сих пор за ним разбираем. Как оказалось, он начал сразу несколько экспериментов, но мы не знаем, каких и с кем, и...

– Один из экспериментов проходит здесь, – холодно сказала Аксимаан Трейш. – Опытный посев усиленной протопластами лусавендры.

– Спаси Божество! – простонал Нур. – Со сколькими же еще личными проектами Хэйна мне придется столкнуться? Усиленная протопластами лусавендра, верно?

– Вы так говорите, будто никогда о ней не слышали.

– Слышал. Но не могу сказать, что много об этом знаю.

– Пойдемте, – сказала Аксимаан Трейш и зашагала мимо рисовых полей, где стебли выросли уже по пояс, в сторону лусавендры. Злость придавала ей силы, и молодой агент с трудом поспевал за ней. На ходу она рассказывала о мешке гигантских зерен, что дал ей Хэйн, о том, как она посадила эти зерна, о гибридизации с обычной лусавендрой, о вызревающем сейчас новом поколении гибридов. Добравшись до первых рядов лусавендры, она внезапно остановилась, побелев от ужаса.

– Владычица, помилуй нас! – закричала она.

– В чем дело?

– Смотрите! Смотрите!

Чувство времени подвело Аксимаан Трейш. Гибридная лусавендра самым неожиданным образом начала разбрасывать семена на две с небольшим недели раньше, чем ожидалось. Под палящим летним солнцем огромные стручки раскрывались с противным шелкающим звуком, похожим на треск ломающихся костей. И каждый, взрываясь, выбрасывал во все стороны огромные семена почти со скоростью пули, они пролетали по воздуху тридцать-сорок футов и тонули в густой грязи, покрывавшей затопленные поля. Конца этому, похоже, не было, через час все стручки раскроются и урожай будет потерян.

Но это было еще не самое худшее.

Из стручков разлетались не только семена, но и тонкая бурая пыльца, очень хорошо известная Аксимаан Трейш. Со всех ног она побежала в поле, не обращая внимания на семена, больно бившие по ее чешуйчатой шкуре. Схватив нераскрывшийся стручок, она разломилась его, и облачко пыльцы вылетело прямо ей в лицо. Да. Она самая. Лусавендровая сажа! В каждом стручке оказалась чуть ли не чашка спор, и сейчас на дневной жаре взрывался стручок за стручком, бурая пыль висела над полем отчетливо видимой дымкой, и легкий ветерок относил ее в сторону.

Эревейн Нур тоже хорошо знал, что случилось.

– Зовите работников! – крикнул он. – Здесь все надо сжечь!

– Поздно, – сказала Аксимаан Трейш гробовым голосом. – Уже ничего не сделать. Слишком поздно, слишком поздно. Сажу уже не сдержать.

Ее земля была заражена, заражена безнадежно. Какой-то час – и споры разлетятся по всей Долине.

– Нам конец, разве не видите?

– Но ведь лусавендровую сажу победили давным-давно! – произнес Нур глупым голосом.

Аксимаан Трейш кивнула. Она хорошо помнила, как это было: поджоги, опрыскивания, выведение устойчивых к лусавендровой саже сортов, тщательная прополка всех растений, на которых мог предположительно жить смертельный грибок. Семьдесят, восемьдесят, девяносто лет тому назад они работали как проклятые, чтобы избавить мир от этой заразы! И вот она снова здесь, в этом новом сорте. Только эти растения на всем Маджипуре могли стать убежищем для сажи – ее растения, с такой любовью и заботой выращенные. Своей собственной рукой она вернула лусавендровую сажу в этот мир и выпустила, чтобы заразить соседские поля.

– Хэйн! – взревела она, – Хэйн, где ты? Что ты со мной сделал?

Ей хотелось умереть прямо здесь и сейчас, прежде чем случится то, что должно случиться. Но она знала, что не дождется такой милости: долгая жизнь, что была ее благословением, станет теперь ее проклятием. Треск лопающихся стручков гремел в ушах, как выстрелы наступающей на Долину армии. Она жила слишком долго, подумалось ей, и вот, дожидая до конца света.

Глава 5

Хиссун, потный, растрепанный и полный неясных опасений, спускался все ниже и ниже по знакомым с детства проходам или на лифтах. Скоро убогий мирок внешнего кольца остался далеко позади. Он проходил ярус за ярусом, мимо чудес и диковин, которых не видел уже несколько лет: Двор Колонн, Зал Ветров, Площадь Масок, Двор Пирамид, Двор Шаров, Арена, Дом Записей. Люди, приехавшие с Замковой горы, с Алиазора, Стойена, или даже из невообразимо далекой, чуть ли не легендарной Ни-мойи на другом континенте, бродили здесь ошеломленные и подавленные, восхищаясь гениальностью тех, кто придумал и построил все эти причудливые сооружения на такой глубине. Но для Хиссуна это был все тот же старый Лабиринт – тусклый и скучный. Он не видел ни красоты, ни таинственности, это был просто его дом.

Большая пятиугольная площадь перед Домом Записей являлась нижней границей общедоступной зоны Лабиринта, все помещения ниже ее занимали государственные учреждения. Хиссун прошел под огромным светящимся зеленоватым экраном на стене Дома Записей, где были перечислены все понтифики и короналы – две колонки текста, тянувшиеся вверх, куда не достигнет и самый зоркий глаз: где-то наверху имена Дворна и Меликанда, Баргольда и Стиамота, правивших сотни лет назад, а внизу – Кинникен, Оссьер, Тиверас, Вориакс и Валентин. Возле дальнего конца списка государей Хиссун показал документам охранявшему вход одутловатому хьорту в маске и вошел в самые глубины Лабиринта. Он спускался ниже и ниже: мимо загорода и нор бюрократов средней руки, мимо резиденций высших министров, мимо туннелей, что вели к огромным вентиляционным системам, от которых зависела вся здешняя жизнь. То и дело его останавливали на постах и просили предъявить документы. Здесь, в государственном секторе, к вопросам безопасности относились очень серьезно. Где-то в этих глубинах находилась берлога самого понтифика – говорили, что безумный старый монарх живет в специальном большом стеклянном шаре, сидит там на своем троне и к нему подведены трубки жизнеобеспечения. Интересно, подумал Хиссун, этот шар предназначался сначала для защиты от убийц? Если то, что он слышал о понтифике, было правдой, то отсоединить все эти трубки и отправить бедного старого Тивераса наконец к Истоку было бы чуть ли не милосердием Божества. Хиссун не мог найти ни одной приемлемой причины для того, чтобы десятилетие за десятилетием поддерживать жизнь в дряхлом, утратившем разум понтифике.

Наконец, запыхавшийся и помятый, Хиссун встал на пороге Большого зала на самом дне Лабиринта. Он безнадежно опоздал – чуть ли не на час.

Трое огромных мохнатых скандаров в форме гвардии коронала преградили ему путь. Под свирепыми высокомерными взглядами четвероруких гигантов Хиссун съежился и с трудом переборол желание упасть на колени и попросить прощения. Каким-то образом он собрал остатки самоуважения и, стараясь глядеть в ответ с таким же превосходством – а это нелегко, когда приходится смотреть в глаза девятифутовым гигантам, – сказал, что он состоит в свите лорда Валентина и приглашен на банкет.

Он был почти уверен, что стражи с насмешками прогонят его, словно назойливую муху. Но нет: они серьезно посмотрели на его эмблему, сверились с какими-то списками и, низко поклонившись, пропустили через огромные, окованные бронзой двери.

Наконец-то он добрался на банкет к короналу!

Сразу за дверью стоял пышно разодетый хьорт с огромными выпуклыми золотистыми глазами и выкрашенными в оранжевый цвет усами, совершенно не сочетавшимися с сероватой грубой кожей лица. Этой удивительной персоной был Виноркис, мажордом коронала, он торжественно приветствовал его и воскликнул:

– О! Посвященный Хиссун!

– Пока еще не посвященный, – попытался объясниться Хиссун, но хьорт уже величественно повернулся и, не оглядываясь, зашагал по центральному проходу. Хиссун последовал за ним на негнувшихся ногах.

Он чувствовал себя здесь совершенно чужим. В зале находилось чуть не пять тысяч человек, они сидели за круглыми столами на дюжину гостей каждый, и Хиссуну показалось, что все уставились на него. Пройдя шагов двадцать, он, к своему ужасу, услышал смех, сперва тихий, затем все громче и громче, и вот уже по залу волнами перекатывается туда-сюда безудержный хохот. Никогда раньше он не слышал такого громкого раскатистого звука, примерно таким он представлял шум прибоя где-нибудь на диком северном берегу.

Хьорт шагал не останавливаясь, казалось, уже полторы мили, а за ним через океан веселя мрачно шел Хиссун, желая стать ростом в полдюйма. Однако он скоро понял, что все вокруг смеются вовсе не над ним, а над выступлением акробатов-карликов, которые со смешными ужимками пытались построить гимнастическую пирамиду, и Хиссун немного успокоился. Затем он увидел, что сам лорд Валентин, улыбаясь, машет ему с возвышения и указывает на пустое кресло рядом с ним. Хиссун чуть не всплакнул от облегчения. В конце концов все вышло хорошо.

– Ваше величество! – прогрехотал Виноркис. – Посвященный Хиссун!

Уставший Хиссун с благодарностью опустился в кресло как раз в тот момент, когда по залу разнеслись громкие аплодисменты – это гости хлопали акробатам. Слуга подал ему полный кубок какого-то искрящегося золотого вина, и когда Хиссун поднес его к губам, все, сидящие за столом, приветственно подняли кубки. Вчера утром во время короткого, но удивительного разговора с лордом Валентином, когда он предложил ему присоединиться к его свите на Замковой горе, Хиссун уже видел некоторых из этих людей, но тогда не было времени на знакомство. Теперь же они сами приветствовали его – его! – и представлялись. Но в этом не было нужды, поскольку героев, что были с лордом Валентином во время славной войны за возвращение престола, знали все.

Сидящая с ним рядом огромная воительница, наверняка Лизамон Халтин, личный телохранитель короля. Рассказывают, что, когда короля проглотил морской дракон, она прорубила путь наружу из его чрева. А человек небольшого роста с удивительно бледной кожей, совершенно седыми волосами и шрамом на лице мог быть только знаменитым Слитом; он в годы изгнания научил короля жонглировать. А тот, с пронизательным взглядом и густыми бровями, – Тунигорн, лучший стрелок из лука на Замковой горе. Маленький вруун со множеством щупалец – не иначе как колдун Делиамбер. Молодой, на вид ненамного старше самого Хиссуна, мужчина с веснушчатым лицом, скорее всего, бывший пастух Шанамир. Вот этот стройный величавый хьорт, должно быть, гросс-адмирал Эйзенхарт. Кругом одни знаменитости, и Хиссун, всегда считавший, что не испытывает перед ними ни благоговения, ни трепета, попав в их общество, обнаружил, что очень даже благоговеет перед ними.

Не испытывал благоговения? Да, некогда он лично подошел к лорду Валентину и бессовестно выклянул у него полрояла за экскурсию по Лабиринту и еще три кроны сверху за то, что нашел ему и его свите жилье во внешнем кольце. И никакого трепета он тогда не ощущал. Короли и понтифики были такими же людьми, просто имели больше власти и денег, чем все остальные, и на троне оказывались лишь потому, что им повезло родиться на Замковой горе, в семье аристократов, и удачно подняться по карьерной лестнице на самый верх. Хиссун давно понял – чтобы стать королем, не требуется даже особого ума. В конце концов, лорд Малибор каких-то двадцать лет назад вышел в море охотиться на морских драконов и совершенно поглотому погиб – его проглотили. Так же глупо – от случайной стрелы на охоте – погиб в лесу лорд Вориакс, а его брат, лорд Валентин, который производил впечатление довольно умного, проявил непростительную беспечность – сел пьянствовать с сыном Короля Снов, в результате его напоили, начисто стерли память и свергли с трона. Какой может быть трепет перед такими

людьми? Да в Лабиринте любой семилетка, так относящийся к собственной безопасности, прослыл бы безнадежным идиотом.

Однако Хиссун заметил, что с годами его неуважительность стала чуть меньше. Когда тебе десять лет и ты с пяти или с шести живешь на улице и сам себе командир, то немудрено, что плевать ты хотел на власти. Но ему уже не десять, и он уже не уличный мальчишка. Он уже знает гораздо больше и понимает, что быть короналем Маджипура – вовсе не простое дело. И сейчас, когда Хиссун смотрел в сторону плечистого золотоволосого человека, одновременно величественного и мягкого в поведении, одетого в зеленый камзол и горностаевую мантию – знак второй по значению персоны во всем мире – и понимал, что всего в десяти футах от него сидит сам корональ лорд Валентин, и его одного он выбрал из многих миллиардов жителей Маджипура, и пригласил на пир, и по спине его бегали мурашки. Он признался себе, что действительно испытывает благоговение: и перед знаками власти, и перед самим лордом Валентином, и перед загадочной цепью событий, что привела простого мальчишку из Лабиринта в эту августейшую компанию.

Он потягивал вино и ощущал, как тепло разливается в душе. Неприятное начало вечера уже не имело значения. Он был здесь желанным гостем, и пускай Ванимун, Хойлан и Гизнет лопнут от зависти! Он сидит среди великих, он начинает восхождение к таким вершинам мира, откуда всех ванимунов его детства невозможно будет разглядеть.

Но спустя немного времени чувство благополучия покинуло его, и он снова оказался в смущении и замешательстве.

Все началось всего лишь с небольшой ошибки, абсурдной, но простительной, и едва ли это была вообще его вина. Слит отметил, что приближенные понтифика всякий раз глядят в сторону стола короналя с явным волнением, похоже, они очень боялись, что лорду Валентину может не понравиться банкет. И Хиссун, новичок в их компании, разгоряченный вином и осмелевший от радости, бездумно ляпнул:

– Правильно волнуются! Им нужно произвести хорошее впечатление, иначе потом окажутся на улице, когда лорд Валентин станет понтификом!

За столом послышались изумленные возгласы. Все уставились на Хиссуна, как будто он сказал чудовищное богохульство, один лишь корональ поджал губы и отвернулся, будто увидел лягушку в супе.

– Я сказал что-то не так? – спросил Хиссун.

– Тихо! – свирепо прошептала Лизамон Халтин и ощутимо ткнула его локтем под ребра.

– А что не так? Ведь лорд Валентин в свое время станет понтификом, и тогда у него будут уже свои придворные.

Лизамон снова двинула его локтем, и на этот раз он чуть не слетел с кресла. Слит метнул на него свирепый взгляд, а Шанамир резко прошептал:

– Замолчи, ты только хуже себе делаешь!

Хиссун помотал головой и, стараясь скрыть смущение, упрямо сказал:

– Не понимаю.

– Потом объясню, – сказал Шанамир.

– Но что я такого сделал? – не унимался Хиссун. – Только сказал, что когда лорд Валентин станет понтификом...

– Лорд Валентин, – перебил Шанамир ледяным голосом, – не хочет об этом говорить, а тем более – за столом. В его присутствии не принято обсуждать этот вопрос. Теперь тебе понятно? Понятно теперь?

– Да, теперь – да, – жалким тоном ответил Хиссун.

От стыда ему хотелось спрятаться под столом. Ну откуда он мог знать, что корональ так чувствительно относится к неизбежному вступлению в должность понтифика? Ведь так же всегда происходит, разве нет? Когда понтифик умирает, его место автоматически занимает

корональ и назначает нового короналя, который в свою очередь тоже переедет в Лабиринт. Это система, и она работает на протяжении тысячелетий. Если лорду Валентину так уж не хочется становиться понтификом, тогда ему придется отказаться от поста короналя, а закрывать глаза на порядок престолонаследия в надежде, что он отпадет сам собой, просто бессмысленно.

И хотя корональ хранил холодное молчание, Хиссун понял, что действительно навредил сам себе – хуже некуда. Сначала опоздал, а потом, как только впервые открыл рот, ляпнул непростительную глупость – какое ужасное начало! Неужели ничего нельзя исправить? Хиссун раздумывал об этом во время скучного выступления жонглеров и еще более скучных речей, последовавших за ним, и мучился бы так весь вечер, если бы не случилось нечто гораздо худшее.

Настала очередь лорда Валентина говорить тост. Но когда корональ поднялся с места, у него был странно отрешенный и озабоченный вид. Он будто спал на ходу – неуверенные движения, невидящий, туманный взор. За высоким столом начали шептаться. Пугающе долго он молчал и наконец заговорил, но сбивчиво и не по делу. Короналю нездоровится? Он пьян? Внезапно попал под какие-то злые чары? Хиссуна встревожило его странное состояние. Только что старый Хорнкаст сказал, что корональ не только правит Маджипуром, но в какой-то степени корональ и есть Маджипур, и вот он, корональ – с заплетающимся языком, и шатается, будто вот-вот рухнет.

Хиссун подумал, что его нужно взять за руку и усадить на место, не то он упадет. Но никто не смел двинуться с места. Пожалуйста, безмолвно умолял Хиссун, глядя на Слита, Тунигорна, Эрманара. Помогите ему, кто-нибудь, помогите ему. И по-прежнему никто не двигался с места.

– Ваше величество! – раздался хриплый крик.

И Хиссун понял, что крикнул это он сам, уже рванувшись вперед, чтобы подхватить короналя, пока тот не упал лицом на блестящий деревянный пол.

Глава 6

Вот сон понтифика Тивераса.

В царстве, где я нынче обитаю, ничего не имеет цвета, ничего не издает звука, все недвижно. Цветы алабандинов черны, и блестящие листья семотановых деревьев белы; птица, что не летает, поет песню, которую не услышать. Я лежу на ложе из нежного, мягкого, упругого мха и смотрю вверх, на капли дождя, которые не падают. Когда ветер дует в долине, неподвижные листья не шелестят. Имя этому царству – смерть, и алабандины мертвы, и семотаны мертвы, и птица мертва, и ветер, и дождь – все мертво. Мертв и я.

Они приходят ко мне, стоят вокруг, спрашивают:

– Ты Тиверас, что был короналем Маджипура? Ты понтифик Маджипура?

И я говорю:

– Я умер.

– Ты Тиверас? – снова спрашивают меня.

И я говорю:

– Я – мертвый Тиверас, что был вашим короналем и вашим понтификом. Вы видите – я не имею цвета, не издаю звуков? Я умер.

– Ты не умер.

– Вот, по правую руку от меня – лорд Малибор, что был моим первым короналем. Он мертв, не так ли? Вот, по левую руку – лорд Вориакс, бывший мой второй корональ. Разве он не умер? Я лежу между двух мертвецов. Я тоже мертвец.

– Поднимайся, вставай и иди, Тиверас, что был короналем, Тиверас, что ныне – понтифик.

– Мне нет нужды этого делать. Мне можно, я мертв.

– Услышь наши голоса.

– Ваши голоса беззвучны.

– Услышь, Тиверас, слушай, слушай, слушай!

– Алабандины – черные. Небо – белое. Это царство смерти.

– Поднимайся, вставай и иди, властитель Маджипура.

– Кто ты?

– Валентин. Я твой третий корональ.

– Слава тебе, лорд Валентин, понтифик Маджипура!

– Этот титул пока еще не мой. Поднимайся, вставай и иди.

И я говорю:

– Этого не требуется от меня, потому что я мертв.

Но они говорят:

– Мы не слышим тебя, тот, кто был короналем, и тот, кто ныне понтифик. – И голос, который сказал, что он Валентин, снова говорит мне: – Поднимайся, вставай и иди.

И в этом царстве, в котором ничто не движется, рука Валентина в моей руке, и она тянет меня вверх, и я плыву, легкий, как воздух, я плыву по воздуху вперед, двигаясь без движения, дыша без дыхания. Вместе мы переходим мост, что изогнулся как радуга, над бездной столь же глубокой, сколь велик мир. И от каждого моего шага искрящийся металл моста звенит, словно голоса юных дев. На той стороне все залито цветом: янтарным, бирюзовым, коралловым, сиреневым, изумрудным, каштановым, индиго, малиновым. Небосвод – нефритовый, солнечные лучи пронзают воздух, как сверкающие бронзовые спицы. И все плывет, все колыхается, здесь нет неизменности, здесь нет постоянства.

Голоса говорят:

– Это жизнь, Тиверас! В этом царстве тебе надлежит быть!

Я не отвечаю, поскольку мертв, и пускай все это мне только снится, я плачу, и слезы переливаются всеми оттенками небесных звезд.

И это тоже сон понтифика Тивераса.

Мой трон – машина, и я внутри машины, и вокруг меня – голубая стеклянная стена. Я слышу бульканье и тихое тиканье сложнейших механизмов. Мое сердце медленно бьется, я чувствую каждый тяжелый толчок жидкости в его камерах, я думаю, что эта жидкость, может быть, и не кровь. Но чем бы она ни была, она движется во мне, я чувствую, как она движется. Значит, скорее всего, я жив. Но как? Я так стар, разве я не пережил саму смерть? Я – Тиверас, который был короналем при Оссере, и я однажды касался руки лорда Кинникена, когда Замок принадлежал ему, Оссер был тогда лишь принцем, а Лабиринтом владел понтифик Тимин. Если это так, то я – единственный, кто живет еще со времен Тимина. Если я, конечно, жив. Думаю, жив. Но я сплю. Я вижу сны. Тишина обнимает меня. Цвета утекают из мира. Все черно, все бело, нет ни движения, ни звука. Вот каким я представляю царство смерти. Взгляните, вот понтифик Конфалюм, а вот Престимион и Деккерет! И все эти великие властители лежат, обратив лица вверх, навстречу каплям дождя, что не падает. И они говорят, не издавая звука:

– Добро пожаловать, бывший Тиверас, добро пожаловать, усталый старый государь, ляг подле нас, ведь ты мертв, как и мы. Да. Да. Ах, как же здесь прекрасно! Посмотрите, вот лорд Малибор – тот человек из города Бомбифейл, на которого я так надеялся и в котором так ошибся, и он мертв. А вот лорд Вориакс – чернобородый и краснощекий, но сейчас его щеки покинул румянец. Наконец-то мне дозволено присоединиться к ним. Все безмолвно. Все недвижно. Наконец-то, наконец-то, наконец-то! Наконец-то мне позволили умереть, пускай даже это только сон.

Вот так понтифик Тиверас парит между мирами – ни мертвый, ни живой, ему снится живой мир, и он думает, что сам он мертв, он мечтает о царстве смерти и помнит, что жив.

Глава 7

– Дай, пожалуйста, вина, не сочти за труд, – попросил Валентин.

Слит вложил ему в руку кубок, и корональ сделал большой глоток.

– Я просто задремал, – пробормотал он, – ненадолго прилег перед банкетом, и такой сон! Такой сон! Слит, позови, пожалуйста, Тизану. Мне необходимо его растолковать.

– При всем уважении, ваше величество, сейчас нет времени, – сказал Слит.

– Мы пришли за тобой, – вставил Тунигорн. – Банкет вот-вот начнется, и согласно протоколу ты должен уже сидеть на своем месте, когда представители понтифика...

– Протокол, протокол! Да этот сон – точь-в-точь послание, как вы не понимаете! Зрелище такой катастрофы...

– Корональ не получает посланий, ваше величество, – тихо заметил Слит, – и банкет начнется с минуты на минуту, а нам еще надо помочь вам одеться и сопроводить вас. Если так нужна Тизана со своими снадобьями, то позовете потом, мой повелитель. Но сейчас...

– Мне очень важно детально понять этот сон!

– Понимаю. Но времени и вправду нет. Пойдемте, ваше величество.

Он знал, что Слит и Тунигорн правы: нравится ему, не нравится, но он должен присутствовать на банкете. Потому что это не только важное придворное событие, но и выражение вежливости: вышестоящий монарх оказывает честь младшему – приемному сыну и помазанному наследнику. И корональ не имеет права отнестись к этому небрежно, даже если понтифик дряхл и практически безумен. Нужно идти, а сон подождет. Настолько яркие, полные знамений сны нельзя оставлять без внимания, толкование обязательно нужно провести и, скорее всего, еще посоветоваться с колдуном Делиамбером – но все это потом.

– Пойдемте, ваше величество, – повторил Слит, подавая парадную горностаевую мантию.

Через десять минут, когда Валентин входил в Большой зал понтифика, кошмарные картины, явленные во сне, все еще смущали его душу. Но корональ Маджипура не имеет права на мрачный или озабоченный вид во время такого события, поэтому, шагая к своему столу, он постарался придать лицу самое приветливое выражение, какое мог.

Впрочем, он вел себя так на протяжении всей нескончаемой недели официального визита: фальшивая улыбка, заученная благожелательность. Из множества городов огромного Маджипура Валентину менее всего нравился Лабиринт. Он оказывал на Валентина мрачное, гнетущее действие, и корональ появлялся там, лишь если того настоятельно требовали государственные дела и избежать визита было нельзя. Насколько живым он ощущал себя под теплым летним солнцем и бескрайним небосводом, проезжая верхом где-нибудь по лесу с густой листвой, когда славный свежий ветер треплет ему золотые волосы, настолько же сильно он всякий раз, входя в безрадостный подземный город, ощущал себя безвременно похороненным заживо. Валентин терпеть не мог эти мрачные, спиралью спускающиеся вниз коридоры, бесконечность погруженных в тень подземных уровней. Атмосфера Лабиринта вгоняла его в клаустрофобию.

Но отвратительнее всего было для него осознание неизбежности предстоящего рано или поздно расставания со всеми милыми радостями Замковой горы – приняв рано или поздно титул понтифика, он должен будет до конца своих дней пребывать живьем в этой жуткой гробнице.

Сегодняшний вечер был особенно неприятен. Валентин попросту страшился банкета в находящемся в самой глубине унылого подземного города, Большом зале, кошмарном угловатом помещении, залитом ярким светом и отделанном зеркалами, отбрасывающими вездесущие слепящие блики, где соберется множество напыщенных чиновников понтифика в нелепых традиционных масках и будут звучать многословные скучные речи, и все это усугубится ощущением того, будто весь Лабиринт давит на плечи своей колоссальной каменной массой.

Стоило только подумать об этом, и сердце наполнялось ужасом. Валентину пришло в голову, что и кошмар, который только что приснился ему, был лишь предвестником того напряжения, которое ему придется вынести нынче вечером.

Однако, к собственному изумлению, он вскоре понял, что беспокойство покидает его, на душе становится легче и он чуть ли не получает удовольствие от банкета. Нет, конечно, насчет удовольствия это явное преувеличение, но, по крайней мере, он способен вытерпеть происходящее.

На пользу пошло и новое оформление зала. Висевшие повсюду яркие флаги – зелень с золотом, цвета короналя – маскировали и размывали очертания, внушающие эту странную тревогу. За время, прошедшее с его последнего визита, здесь переделали и освещение – теперь в воздухе свободно плавали шары, испускающие мягкий спокойный свет.

Чиновники понтифика явно не пожалели ни сил, ни денег, чтобы создать праздничную атмосферу. Из легендарных погребов понтифика достали потрясающий набор лучших вин со всей планеты: золотое огненное вино из Пидруида, сухое белое из Амблеморна и нежное красное вино из Ни-мойи, а затем – крепкое пурпурное малдемарское, урожая времен еще лорда Малибора. К каждому вину, конечно, шла подобающая закуска: охлажденные ягоды токка, копченое мясо морских драконов, калимботы по-нарабальски, жареная ляжка билантуна. И нескончаемый поток развлечений: певцы, мимы, арфисты, жонглеры. Время от времени кто-то из подчиненных понтифика кидал осторожный взгляд в сторону стола на возвышении, где сидел лорд Валентин со свитой, как бы спрашивая: всего ли хватает? Довольно ли ваше величество?

Валентин отвечал на каждый такой взгляд теплой улыбкой и дружеским кивком. Он поднимал кубок, словно успокаивая хозяев: да, да, я очень доволен всем, что вы для нас сделали.

– Вот шакалы трусливые! – воскликнул Слит. – За шесть столов чувствуешь, как они потеют от страха.

Что и привело к дурацкой и неприятной реплике Хиссуна о том, что, вероятно, они подлизываются к Валентину, зная, что тот станет понтификом. Эта неожиданная бестактность обожгла Валентина, будто удар хлыста, и он отвернулся. Его сердце колотилось, в горле пересохло, но он заставил себя успокоиться, улыбнулся поверх столов верховному глашатаю Хорнкасту, кивнул мажордому понтифика, окинул взглядом еще кого-то, слыша, как за его спиной Шанамир сердито выговаривает Хиссуну за недопустимую оплошность.

В тот же миг гнев Валентина улегся. В самом деле, откуда пацану знать, что это запретная тема? Но он ничем бы не смог помочь опростоволосившемуся Хиссуну, не выдав, насколько глубоко она затрагивает его, поэтому снова включился в разговор, будто ничего не произошло.

Тут, к счастью, вышли пятеро жонглеров, которые отвлекли внимание гостей. Три человека, скандар и хьорт закутили бешеную карусель из факелов, серпов и ножей, заслужив одобрительные возгласы и аплодисменты короналя.

Конечно, они тянули разве что на третий сорт, их ошибки и промахи не могли ускользнуть от опытного глаза Валентина. Но какая разница – ему всегда нравились выступления жонглеров, они всякий раз вызвали в памяти то странное, блаженное время, когда несколько лет назад он сам был жонглером и странствовал по городам с разношерстной бродячей труппой. Он был тогда невинен, бремя власти не давило на него, и он был действительно счастлив.

На энтузиазм Валентина Слит ответил хмурым взглядом и угрюмо произнес:

– Ах, ваше величество, неужели вам они действительно понравились?

– Они очень стараются, Слит.

– Когда скотина в засуху траву ищет, она тоже очень старается. Но она скотина. А эти ваши старательные – не более чем любители, ваше высочество.

– Ох, Слит, Слит, ну будьте поспасибительнее!

– Ваше величество, в этом деле, как вы, скорее всего, помните, есть определенные нормы.

Валентин хмыкнул:

– Радость, которую они мне приносят, не зависит от их мастерства. Я смотрю на них и вспоминаю о былых временах, о жизни, что была тогда проще, об ушедших товарищах.

– А, вон что, – сказал Слит. – Тогда другое дело, ваше величество! Но то сантименты, а я говорю о мастерстве.

– Значит, мы говорим о разных вещах.

Жонглеры завершили представление вихрем сложных бросков и удалились. Валентин с радостной улыбкой сел на место. «Веселье кончилось, – подумал он, – теперь будут речи».

Речи оказались на удивление терпимыми. Первым выступил Шинаам, министр внутренних дел в правительстве понтифика, гэйрог с блестящей чешуей и трепещущим красным раздвоенным языком. Изящно и кратко он официально приветствовал лорда Валентина и его окружение.

Адъютант Эрманар произнес ответную речь от имени короналя. После него настала очередь старого сморщенного Дилифона, первого секретаря понтифика, который передал личные приветствия высочайшего монарха. Валентин знал, что, скорее всего, это выдумка, потому что все знали, что от старого Тивераса уже десять лет не слышали членораздельной речи. Однако он вежливо выслушал произнесенное дрожащим голосом сочинение Дилифона и попросил Тунигорна выступить с ответной речью.

Слово взял Хорнкаст, верховный глашатай понтифика, толстый, исполненный торжественности – подлинный правитель Лабиринта при впадшем в старческое слабоумие понтифике Тиверасе. Он заявил, что будет говорить о великом паломничестве, и Валентин приготовился внимательно слушать, так как именно о великом паломничестве думал весь год – о продолжительном церемониальном путешествии по всему Маджипуру, во время которого корональ показывает себя людям и получает взамен их уважение, преданность и любовь.

– Кому-то может показаться, – говорил Хорнкаст, – что это лишь увеселительная поездка, обычный отдых от государственных дел. Но это не так! Не так! Ведь сама персона короналя – именно человек, а не плакат, флаг или портрет, – связывает все отдаленные провинции мира воедино. И лояльность народа поддерживается только путем таких непосредственных контактов.

Валентин помрачнел и отвернулся. Внезапно ему представилась тревожная картина: раскалывающийся, встающий на дыбы Маджипур и один-единственный человек отчаянно борется со стихией, пытаясь вернуть все на свои места.

– ...Так как корональ, – продолжал Хорнкаст, – это воплощение Маджипура. Персонафикация Маджипура. Корональ – это мир, а мир – это корональ. И когда он совершает великое паломничество – как это сделаете вы, лорд Валентин, впервые после славного восстановления на престоле, – он не только идет навстречу миру, он идет навстречу самому себе, своей душе, навстречу глубочайшим корням своей личности...

Правда ли? Да. Правда. Хорнкаст, конечно, несет стандартную высокопарную чушь, которую Валентину так часто приходилось терпеть. Но в этот раз, кажется, эти слова разбудили что-то в нем, открыли некий полный тайн темный туннель. И этот сон – холодный ветер на Замковой горе, стенающая и раскалывающаяся земля... Корональ – воплощение Маджипура, корональ – это мир...

За время его царствования это единство однажды нарушилось, когда Валентина вероломно отстранили от власти, лишили памяти и даже тела, и вышвырнули в изгнание. Неужели это повторится? Еще один переворот, еще одно падение? А может, надвигается что-то еще более страшное, касающееся куда более серьезных вещей, нежели судьба одного человека?

Он почувствовал незнакомый привкус страха. Наплевать на протокол; он должен немедленно уйти с банкета и заняться истолкованием этого сна. Совершенно ясно, что какое-то мрач-

ное предвидение пытается проявиться, достичь сознания. С короналем творится что-то странное, а ведь это значит, что неладно со всем миром...

– Ваше величество? – это был Аутифон Делиамбер, маленький колдун-вруун. – Ваше величество, пора произнести завершающий тост.

– Что? Когда?

– Сейчас, ваше высочество.

– Да, конечно, – отстраненно сказал Валентин, – да, завершающий тост.

Он поднялся и обвел взглядом огромный зал, всматриваясь в его самые затененные углы. Со странным ощущением он понял, что совершенно не готов. Он с трудом понимал, что нужно говорить, к кому обращаться и даже – и даже! – что он тут делает. Это Лабиринт? Он действительно находится в Лабиринте, в этом отвратительном месте, где нет ничего, кроме теней и плесени? Зачем он здесь? Что все эти люди от него хотят? Может быть, это просто еще один сон и он даже не покидал Замковой горы? Валентин не знал. Он не понимал ровно ничего.

«Что-то произойдет, – подумал он. – Вот-вот случится, нужно лишь немного подождать».

И он ждал, но ничего не происходило, лишь усиливалось ощущение странности происходящего. Он почувствовал пульсирующие толчки во лбу и звон в ушах. Затем пришло мощное осознание, что он находится в Лабиринте, а Лабиринт находится в самом центре мира, в ядре гигантской планеты. И какая-то непреодолимая сила тащит его оттуда. В следующий миг ему показалось, что душа покинула тело и, словно огромное облако света, поплыла вверх, сквозь многочисленные этажи Лабиринта к поверхности, а затем растянулась и охватила всю необъятность Маджипура, до самых дальних берегов Зимроэля и почерневшего от солнца Сувраэля и неизведанный просторы Великого океана на другой стороне планеты. Он накрыл весь мир собой, будто светящейся вуалью. И в этот ошеломляющий миг почувствовал, что является единым целым со всей планетой, что воплотил в себе двадцать миллиардов населения Маджипура – людей, скандаров, хьортов, метаморфов и всех прочих – все они двигались в нем, словно кровавые частицы. Он находился везде и сразу: он был всей печалью мира и всей его радостью, всеми его стремлениями и нуждами. Он был всем. Он был кипящей вселенной, полной столкновений и противоречий. Он ощущал жар пустыни, и теплый тропический дождь, и мороз на пиках высоких гор. Он смеялся и плакал, он умирал и занимался любовью, и ел, и пил, и танцевал, и сражался, и бешено скакал в незнакомых горах, выбиваясь из сил, работал в поле и прорубал тропу в опутанных густыми лианами джунглях. В океанах его души всплывали на поверхность огромные морские драконы, издавали чудовищные бляющие и рычащие звуки и снова скрывались в глубине. Перед ним плыли, уставившись на него, безглазые ухмыляющиеся лица. В воздухе мелькали костлявые изможденные руки. Хоры пели нестройные гимны. И все это сразу, все это вместе, все одновременно – ужасный сон наяву!

Он стоял молча, сбитый с толку и потерянный, а зал бешено вращался вокруг него.

– Ваше величество, произнесите тост. – Казалось, Делиамбер повторяет это снова и снова. – За понтифика, его советников, потом...

«Возьми себя в руки, – прикрикнул на себя Валентин, – ты же корональ Маджипура».

Он прилагал отчаянные усилия, чтобы вырваться из чудовищного видения.

– За понтифика, ваше высочество...

– Да. Да, я знаю.

Призрачные образы никак не отпускали. Бесплотные пальцы хватали его. Он боролся. *Держаться. Держаться. Держаться.*

Он совершенно не понимал, что происходит.

– Тост, ваше высочество!

Тост? Тост? Какой тост? А, церемония. Его прямая обязанность. *Ты – корональ Маджипура.* Да. Он должен говорить. Должен что-то сказать этим людям.

– Друзья... – начал он. А затем последовало головокружительное падение в хаос.

Глава 8

– Тебя желает видеть корональ, – сказал Шанамир.

Хиссун испуганно вскинул голову. Уже полтора часа он напряженно ожидал в унылой многоколонной передней с нелепым выпуклым потолком, размышляя о том, что же произошло за закрытой дверью покоев лорда Валентина и сколько времени ему еще предстоит здесь оставаться. Было уже далеко за полночь, и через каких-то десять часов корональ и его свита должны покинуть Лабиринт и продолжить великое паломничество, но странные события этой ночи изменили план. Хиссуну все равно нужно было подняться на самый верх, во внешнее кольцо, собрать пожитки, попрощаться с матерью и сестрами и снова вернуться сюда, чтобы присоединиться к уходящим, ну и поспать немного было бы тоже неплохо. Но все перепуталось.

После того как корональ упал в обморок и его унесли в покои, после того как банкетный зал опустел, Хиссун и кто-то еще из свиты короняля собрались в этой унылой комнате. Через какое-то время им сообщили, что лорд Валентин пришел в себя, ему лучше, а им всем следует ждать дальнейших указаний. Затем их по одному стали вызывать к короналю – сначала Тунигорна, затем Эрманара, Эйзенхарта, потом Шанамира и так далее, пока Хиссун не остался один среди гвардейцев короняля и каких-то мелких чиновников. Хиссуну не хотелось спрашивать у них, что ему делать, но и уйти он тоже не смел, поэтому он ждал, и ждал, и еще ждал, и снова ждал.

Он закрыл пересохшие от усталости, зудящие глаза, но задремать никак не удавалось. В мыслях вновь и вновь вставала одна и та же картина: корональ падает, и они с Лизамон Халтин одновременно вскакивают с кресел, чтобы подхватить его. Он никак не мог избавиться от воспоминаний об ужасном завершении банкета: корональ со смущенным и жалким видом путается в словах, не в силах подобрать нужные, пошатывается, теряет равновесие, падает...

Конечно, корональ мог, как и любой другой, напиться и вести себя по-дурацки. Одной из многих вещей, что Хиссун усвоил, когда работал в Доме Записей и без разрешения читал чужие воспоминания в Регистре Памяти душ, было то, что в человеке, носящем корону звездного огня, нет ничего сверхъестественного. Поэтому вполне возможно, что этим вечером лорд Валентин, который, кажется, очень не любил Лабиринт, пытался поднять себе настроение вином и в итоге захмелел настолько, что путался в словах, когда пришло время произносить тост.

Но все же, хотя сам лорд Валентин сказал, что причиной случившегося было вино, Хиссун сомневался в этом. Пока произносили предыдущие тосты, он видел короняля вблизи, и тот вовсе не казался пьяным: дружелюбным, спокойным, даже довольно веселым, но не пьяным. И потом, когда маленький чародей-вруун вывел лорда Валентина из обморока, дотронувшись до него щупальцами, корональ имел несколько неуверенный вид, какой и бывает после потери сознания, но все равно пребывал в ясном рассудке. Невозможно так быстро протрезветь – это факт. Нет, думал Хиссун, скорее всего, тут что-то другое, не опьянение, а какие-то чары, тайное послание, захватившее разум лорда Валентина. И это было очень страшно.

Хиссун поднялся и пошел по извилистому коридору к покоям короняля. Не успел он подойти к украшенной причудливой резьбой двери с яркими золотыми знаками пылающей звезды и монограммами короняля, как она открылась, и оттуда появились Тунигорн с Эрманаром, осунувшиеся и угрюмые. Они кивнули ему, и Тунигорн одним движением пальца приказал гвардейцам впустить Хиссуна.

Лорд Валентин сидел за широким столом из какого-то редкого полированного дерева кроваво-красного цвета. Крупные, с узловатыми пальцами ладони короняля опирались на стол, будто он не мог без опоры сидеть прямо. Бледное лицо, блуждающий взгляд, опущенные плечи.

– Мой повелитель... – неуверенно начал Хиссун, запнулся и умолк.

Он все еще стоял в дверях и чувствовал себя неловко и неуместно. Лорд Валентин, казалось, не замечал его. В комнате была старая толковательница снов Тизана, и Слит, и вруун, но никто не произнес и слова. Хиссун совсем стушевался. Он не знал, как, согласно этикету, следует обращаться к усталому и, видимо, больному короналю. Выразить сочувствие или сделать вид, что монарх пребывает в добром здравии? Хиссун сделал рукой знак звездного огня и, не получив ответа, повторил жест. Его щеки пылали.

Он попытался найти в себе хоть каплю былой самоуверенности, но не нашел. Странно, но чем больше он смотрел на лорда Валентина, тем больше смущался. Непонятно почему.

В конце концов спас его Слит, объявивший:

– Мой повелитель, посвященный Хиссун.

Корональ поднял голову и впился взглядом в Хиссуна. В его застывших, будто стеклянных глазах отражалась страшная, невероятная усталость. Но все же, с удивлением отметил Хиссун, лорд Валентин сумел превозмочь крайнее изнеможение – так человек, падающий в пропасть, хватается за лозу и с непреодолимой силой взбирается по ней в безопасное место. Удивительно было видеть, как на его щеки вернулось подобие румянца, как оживилось выражение лица. Он даже умудрился изобразить подлинно монаршее достоинство, привычку повелевать. Хиссун с благоговением подумал, может, это какой-то особый трюк, которому учат будущих короналей на Замковой горе.

– Подойди ближе, – сказал лорд Валентин.

Хиссун сделал два шага вперед.

– Ты боишься меня?

– Мой повелитель...

– Хиссун, я не могу позволить тебе тратить время на страх передо мною – у меня и без этого слишком много дел. И у тебя тоже. Когда-то я был уверен, что ты не испытываешь никакого трепета передо мной. Я ошибался?

– Мой повелитель, все потому, что у вас такой усталый вид, и сам я тоже устал. Думаю, это была очень странная ночь – для меня, для вас, для всех...

Корональ кивнул:

– Да, ночь великих странностей. Сейчас ведь уже утро? Всякий раз, когда бываю здесь, не могу понять, который час.

– Немного за полночь, мой повелитель.

– Всего лишь немного за полночь? Я-то думал, что почти утро. Какая же долгая ночь! – Лорд Валентин тихо рассмеялся. – Но здесь, в Лабиринте, всегда немного за полночь, верно, Хиссун? Клянусь Божеством, если б ты знал только, как я хочу снова увидеть солнце!

– Мой повелитель, – тактично пробормотал Делиамбер, – действительно, уже поздно, а еще столько нужно сделать...

– Да. – На мгновение взгляд короналя вновь остекленел. Затем, собравшись с силами, он произнес: – Что ж, к делу. Прежде всего я хочу выразить тебе благодарность. Если бы ты не поймал меня, я бы сильно расшибся. Ты, наверное, бросился ко мне еще до того, как я начал падать? Неужто было настолько заметно, что я вот-вот свалюсь?

– Заметно, ваше величество, – ответил слегка покрасневший Хиссун, – по крайней мере, я заметил.

– Ага.

– Но, быть может, я наблюдал за вами более пристально, чем остальные.

– Да, полагаю, что так все и было.

– Надеюсь, ваше высочество не слишком страдает от прискорбных последствий...

На губах короналя появилась слабая улыбка.

– Хиссун, я не был пьян.

– Я вовсе не то... Я имел в виду... Я хотел сказать...

– Нет, это не опьянение. Чары или послание – кто знает... Вино – это одно, а колдовство – это другое, и, думаю, я все еще способен их различать. Это было темное видение, мальчик мой, причем не первое. Знамена самые тревожные. Надвигается война.

– Война? – выпалил Хиссун. Слово было незнакомым, чуждым, отвратительным, оно повисло в воздухе, как какое-то мерзко зудящее насекомое в поисках жертвы. Война? Война? В голове Хиссуна возникли картины событий, случившихся восемь тысяч лет назад, из увиденных в Регистре Памяти душ: охваченные пламенем сухие холмы далеко на северо-востоке, черные от поднимающегося дыма небеса – последняя жуткая судорога затяжной войны лорда Стиамота против метаморфов. Но это все было в древней истории, за все прошедшие века больше не было войн, кроме войны за восстановление лорда Валентина на престоле. Но в той войне благодаря стараниям лорда Валентина, который ненавидел насилие, почти не было жертв.

– Как это – война? – спросил Хиссун. – У нас на Маджипуре нет войн!

– Война на пороге, парень! – резко сказал Слит. – И когда она начнется, от нее не спрятаться, клянусь Владычицей!

– Но с кем воевать? У нас же самый спокойный из миров. Какие у нас могут быть враги?

– Враг у нас один, – ответил Слит. – Или вы в Лабиринте настолько зарылись в землю, что тебе непонятно?

Хиссун нахмурился:

– Вы говорите о метаморфах?

– Да, парень, именно о метаморфах! – воскликнул Слит. – О меняющих форму мерзавцах. Неужто ты думал, что мы можем продержаться их взаперти вечно? Клянусь Владычицей, начнется бойня, и довольно скоро!

С ужасом и изумлением Хиссун уставился на невысокого тощего человека со шрамом на лице. Глаза Слита сияли, казалось, что он даже радовался таким перспективам.

Хиссун медленно покачал головой и сказал:

– При всем уважении, первый советник Слит, я не вижу в этом смысла. Несколько миллионов их против двадцати миллиардов нас? Однажды они уже воевали с нами и проиграли, и, думаю, как бы они нас ни ненавидели, снова они не полезут.

Слит указал на короля, который, казалось, не слушал.

– А когда они посадили свою марионетку на трон лорда Валентина? Разве это было не объявление войны? Ох, парень, парень, ничего-то ты не знаешь. Метаморфы веками строят нам козни, и вот настало их время. И сны короля говорят об этом. Клянусь Владычицей, королю снится война!

– И я тоже клянусь Владычицей, Слит, – произнес король бесконечно усталым голосом, – что пока я могу хоть что-то сделать, никакой войны не будет, и ты это знаешь.

– Ну а если не сможешь? – парировал Слит.

Белое как мел лицо коротышки покраснело от волнения, глаза сияли, а руками он делал повторяющиеся быстрые рубленые жесты, как будто жонглировал невидимыми дубинками. Хиссун поразился тому, что кто-то, пусть даже первый советник, решается так дерзко разговаривать с королем. Но, похоже, такое случалось нечасто, потому что Хиссун увидел на лице лорда Валентина что-то похожее на гнев, а ведь лорд Валентин славился тем, что никогда не впадал в ярость и пытался убедить спокойными и мягкими словами даже своего врага – узурпатора Доминина Барджазида на заключительном этапе войны за престол. Затем на смену гневу снова пришла ужасная усталость, придавшая королю вид семидесяти-восьмидесятилетнего старика, а вовсе не полного сил решительного мужчины, которому, насколько знал Хиссун, было всего лет сорок с чем-то.

Напряженному молчанию, казалось, не будет конца. Затем корональ заговорил, медленно и взвешенно, обращаясь к одному Хиссуну, как будто больше в палатах никого не было:

– Пока есть надежда на мирный исход, я не хочу слышать больше разговоров о войне. Но знамения были действительно страшными, и если это будет не война, то какое-то столь же страшное бедствие. И я не оставлю такое предупреждение без внимания. Хиссун, этой ночью мы изменили кое-что в наших планах.

– Вы отменяете великое паломничество, мой повелитель?

– Нет, этого делать нельзя. Я и так уже несколько раз откладывал его под предлогом, что на Замковой горе полно работы и на веселые прогулки нет времени. Похоже, откладывал слишком долго – эти поездки нужно проводить каждые семь-восемь лет.

– А сколько лет прошло, мой повелитель?

– Почти десять. Да и в тот раз я прервал ее на полпути – в Тил-омоне, как ты знаешь, произошла небольшая неприятность, и меня, без моего ведома, освободили от большей части обязанностей. – Корональ смотрел мимо Хиссуна куда-то в бесконечность, и тому на мгновение показалось, что он всматривается в туманную пропасть времени, думая, вероятно, о том, как Барджазид диковинным способом отнял у него власть и сам он месяцы или годы бродил по Маджипуру, лишенный трона и разума. Лорд Валентин покачал головой. – Нет, великое паломничество будет проведено. Более того, оно даже расширится. Сначала я намеревался проехать только по Алханроэлю, но, думаю, нужно посетить оба континента. Обитатели Зимроэля тоже должны увидеть, что у них есть корональ. И если Слит прав и мы должны опасаться метаморфов, то посещение Зимроэля вдвойне важно, ведь там они живут.

Этого Хиссун никак не ждал. Его охватило волнение. Еще и Зимроэль! Невообразимо далекая, чуть ли не легендарная страна лесов, широких рек и больших городов с волшебными названиями.

– Ах, мой повелитель, если таков ваш новый план, то он просто великолепен! – сказал он, широко улыбаясь. – Я думал, что никогда не увижу тех краев, разве что во сне! А в Нимойю мы попадем? А в Пидруид, Тил-омон, Нарабаль?

– Я, скорее всего, попаду, – произнес корональ странно ровным голосом, и эти слова оглушили Хиссуна, словно удар дубины.

– А я, мой повелитель? – спросил он, внезапно встревожившись.

– Вот еще одно изменение в планах, – мягко ответил лорд Валентин, – ты не будешь сопровождать меня в великом паломничестве.

При этих словах Хиссуна пронзил ужасный холод, будто ветер, дующий меж звезд, проник в потаенные глубины Лабиринта. Он почувствовал, будто его выбросили, как пустую скорлупу, душа его сжалась под этим ледяным порывом, он вздрогнул.

– Я отстранен от службы, ваше величество?

– Отстранен? Ни в коем случае! У меня, понимаешь ли, на тебя важные планы!

– Об этом вы говорили уже несколько раз, мой повелитель. Но великое паломничество...

– Не является должной подготовкой к задачам, которые тебе некогда придется выполнять. Нет, Хиссун, я не могу позволить тебе терять год или два, болтаясь вместе со мной из провинции в провинцию. Тебе нужно как можно скорее отправляться на Замковую гору.

– На Замковую гору, мой повелитель?

– И начать подготовку, как и подобает посвященному рыцарю.

– Мой повелитель? – удивился Хиссун.

– Тебе сейчас... восемнадцать, да? Значит, ты отстал от остальных на несколько лет. Но ты быстро наверстаешь упущенное и поднимешься до своего подлинного уровня. Это твой долг, Хиссун. Никто из нас не имеет представления о том, какое зло вот-вот явится в мир, но я знаю, что должен ждать худшего, готовиться к нему и подготовить тех, кто встанет в трудную минуту рядом со мной. Так что не поедешь ты со мной в великое паломничество, Хиссун.

– Понимаю, мой повелитель.

– Точно? Пожалуй, да, понимаешь. Потом ты еще увидишь и Пилиплок, и Ни-мойю, и Пидруид. Но сейчас... сейчас...

Хиссун кивнул, хотя на самом деле едва ли понимал, что пытается сказать ему лорд Валентин. Корональ довольно долго смотрел на него, и Хиссун твердо встретил взгляд усталых голубых глаз, хотя и начал ощущать ни с чем не сравнимую усталость. Он понял, что аудиенция подошла к концу, хоть это и не было сказано вслух. Молча он сотворил знак пылающей звезды и вышел из комнаты.

Больше всего на свете сейчас он хотел поспать – неделю, а то и месяц. Эта жуткая ночь высосала его до капли. Два дня назад тот же самый лорд Валентин вызвал его в эту же самую комнату и велел быть готовым покинуть Лабиринт, поскольку он включен в свиту короналя для великого паломничества, которое пройдет по всему Алханроэлю. А вчера его назвали одним из приближенных короналя и усадили во время вечернего банкета за самый главный стол. Но теперь уже и сам банкет завершился чуть ли не скандалом, и он увидел измученного короналя, так похожего на обыкновенного человека. Обещанное участие в великом паломничестве отобрали, и теперь – Замковая гора? Посвященный рыцарь? Наверстывать упущенное? Какое упущенное? Жизнь превратилась в сон, подумалось Хиссуну, и растолковать этот сон некому.

Слит вышел вместе с ним, и за дверью неожиданно поймал за запястье и притянул к себе. Хиссун с изумлением понял, что в этом человеке, будто в скрученной пружине, таится немалая сила.

– Просто хочу сказать тебе, парень, – я резко разговаривал с тобой вовсе не потому, что имею что-то против тебя.

– Я такого и не думал вовсе.

– Ну, вот и хорошо. Я не хочу ссориться с тобой.

– И я с вами, Слит.

– Думаю, когда начнется война, нам с тобой предстоит много работать вместе.

– Если война начнется.

Слит горько улыбнулся:

– Начнется, можешь не сомневаться. Но я не хочу сейчас с тобой спорить, скоро ты и сам придешь к такому же выводу. Валентин не видит беды, пока она его за пятку не цапнет – такой уж он... добрый чересчур и, как я считаю, слишком уж склонен верить в добрые намерения других. Но ты-то ведь не таков, парень? У тебя глаза открыты. Думаю, это в тебе и ценит корональ больше всего. Ты меня понимаешь?

– Слит, ночь выдалась очень уж напряженная...

– И то верно. Иди, поспи, парень. Если сумеешь.

Глава 9

Первые утренние лучи солнца коснулись неровного серого топкого берега юго-восточного Зимроэля и осветили печальный ландшафт бледно-зеленым светом. Приход рассвета в одно мгновение разбудил пятерых лиименов, что спали в драной, многократно залатанной палатке, поставленной на склоне песчаной дюны в пятистах ярдах от моря. Не говоря ни слова, они поднялись, набрали полные ладони сырого песка и стали тереть им грубую рябую серо-черную кожу на руках и груди, совершая утреннее омовение. Потом, выйдя из палатки, повернулись к западу, где еще слабо светило в темном небе несколько звездочек, и приветствовали их традиционным салютом.

Возможно, с одной из этих звезд явились их предки. Они понятия не имели, с которой именно. Никто из них. С тех пор как первые лиимены прибыли на Маджипур, прошло семь тысяч лет, и за это время большая часть знаний была утрачена. Все это время лиимены бродили по всей огромной планете, брались за самую простую и черную работу и давно позабыли, откуда пришли. Но когда-нибудь они снова это узнают.

Самый старший развел огонь. Самый младший принес шампур и нанизал на них мясо. Две женщины молча взяли шампур и держали их над пламенем, пока не услышали песню капающего жира. Молча они раздали всем куски мяса, и, не говоря ни слова, лиимены приступили к единственной за день трапезе.

Так же молча они вышли из палатки: старший мужчина, потом две женщины, потом еще двое мужчин – пятеро худых широкоплечих созданий с плоской широкой головой и тремя свирепыми яркими глазами на ничего не выражающих лицах. Они спустились к краю моря и встали на узкой полоске мыса вне досягаемости прибоа, как делали каждое утро на протяжении многих недель.

Они молча ждали, и каждый из них надеялся, что новый день позволит им увидеть приход драконов.

Юго-восточное побережье Зимроэля, огромная провинция под названием Гихорна – это один из самых мрачных концов Маджипура: всеми забытое место, в котором нет городов, край скудной серой песчаной почвы, влажных порывистых ветров и невероятно сильных и разрушительных песчаных бурь, которые могут разразиться в любое время без всякого предупреждения. На сотни миль вдоль этих безрадостных берегов нет ни одной естественной гавани, только бесконечная гряда низких выветренных холмов спускается к мокрой полоске берега, о который с унылым и печальным звуком разбивается прибой Внутреннего моря. Исследователи, которые в ранние годы освоения Маджипура осмеливались сунуться в этот заброшенный район западного континента, рапортовали, что здесь нет ничего такого, что заслуживало бы внимания, и на планете, столь богатой красотами и чудесами, это было просто убийственной характеристикой.

Поэтому, пока осваивали континент, Гихорна оказалась забыта. Основывалось поселение за поселением – сперва Пилиплок в середине восточного побережья, в устье широкой реки Зимр, потом Пидруид далеко на северо-западе и Ни-мойя в большой излучине Зимра, в глубине материка, Тил-омон, Нарабаль, Велатис, сверкающий Дюлорн – город гэйрогов и много других. Заставы превращались в деревни, деревни – в города, города – в мегаполисы, от которых во все стороны по невероятным просторам Зимроэля расползались мелкие поселения. Ну а Гихорна оставалась незаселенной и никому не нужной. Даже метаморфы, в конце концов побежденные и загнанные лордом Стиамотом в лесную резервацию, которую отделяла от западного края Гихорны река Стейч, не желали пересекать реку и жить в этих унылых местах.

Много позже – через тысячи лет, когда большая часть Зимроэля сделалась такой же цивилизованной, как Алханроэль, немногочисленные поселенцы в конце концов обосновались

и в Гихорне. И почти все они были лиимены – простой и нетребовательный народ, так и не влившийся толком в общую жизнь Маджипура. Казалось, они специально держатся все время в стороне, зарабатывая по нескольку мерок то здесь, то там – продавцы жареных сосисок, рыбаки, сезонные рабочие... Жизнь этого кочевого народа представлялась всем остальным расам Маджипура тусклой и безрадостной, и неудивительно, что они откочевали в тусклую и безрадостную Гихорну. Здесь они основали маленькие деревушки, забрасывали сети прямо за полосой прибоя и ловили кишящих в воде серебристо-серых рыбок, копали в песке ямы-ловушки на больших крабов с глянцевым восьмиугольным панцирем, которые сотнями сновали по берегу, а к праздникам охотились на медлительных, но вкусных дхумкаров, что жили в дюнах, до половины зарывшись в песок.

Гихорна принадлежала лиименам большую часть года, кроме лета – летом наступало время драконов.

В начале лета палатки любопытных туристов вырастали, словно желтые калимботы после теплого дождя, по всему побережью Зимроэля от Пилиплока на юге до края непроходимых болот Зимра. В это время года стада морских драконов совершали свой ежегодный переход к восточному побережью континента, направляясь в воды между Пилиплоком и Островом Сновидений, где рождался молодняк.

Побережье ниже Пилиплока было единственным местом на всем Маджипуре, где можно хорошо рассмотреть морских драконов, не выходя в море, так близко здесь к берегу подплывали беременные самки, чтобы покормиться мелкой живностью, обитавшей в густых зарослях золотистой морской травы, что в изобилии росла в этих водах. Поэтому каждый год во время прохода драконов тысячи любопытных со всего мира разбивали на побережье свои палатки. Одни – как настоящие дворцы: легкие величественные сооружения из высоких прямых столбов и мерцающей ткани, и жили в них благородные. Другие были просто крепкими и удобными – они принадлежали богатым торговцам. Самые невзрачные принадлежали простым людям, которые по нескольку лет копили деньги, чтобы поехать на побережье.

Знать приезжала в Гихорну в сезон драконов потому, что находила зрелище проплывающих огромных животных занимательным, а также потому, что провести время в столь отвратительной местности было пикантным и необычным жестом. Богатые купцы ехали потому, что те, кто мог позволить себе столь дорогое путешествие, пользовались уважением в своем кругу, да и детям не помешает узнать что-то полезное о природе Маджипура, это может пригодиться потом в школе. Простой народ ехал потому, что верил, что увидеть проход морских драконов – к счастью, хотя никто толком не знал почему.

А еще там были лиимены, для которых сезон драконов не был ни развлечением, ни вопросом престижа, и не надеждой на милость фортуны, а нес более глубокий смысл: искупление и спасение.

Никто не мог точно предсказать, когда драконы появятся у берегов Гихорны. Но они всегда приплывали летом, когда раньше, когда позже, и в этом году задерживались. Каждое утро пятеро лиименов занимали свою позицию на мысу, и день за днем не видели ничего, кроме серого моря, белой пены и темных масс водорослей. Но они были терпеливы. Рано или поздно драконы появятся.

В тот день когда они наконец появились, было тепло, почти жарко, с запада дул сырой ветер. Весь день по берегу туда-сюда маршировали крабы: взводы, фаланги, полки крабов, будто готовясь отразить неприятеля. Это был верный знак.

Ближе к полудню было второе знамение: из волн прибоя кувырком появилась похожая на большой пудинг толстая зубожаба, состоящая, казалось, лишь из живота, пасти и острых, как пила, зубов. Она проковыляла несколько ярдов подальше от воды и села на песок, тяжело вздыхая, трясясь всем телом и моргая огромными молочно-белыми глазами. Чуть позже вторая жаба вылезла из воды неподалеку и уселась, злобно уставившись на первую. Потом появи-

лась небольшая процессия большеногих омаров – дюжина, а то и больше пестрых сине-красных созданий со вздутыми задними ногами решительно вышли из воды и принялись быстро закапываться в песок. За ними явились красноглазые гребешки, пританцовывающие на слабых желтоватых ногах, костлявые угри с белыми мордами и еще какие-то рыбы – они беспомощно бились на песке, пока за них не взялись крабы.

Лиимены кивали друг другу в нарастающем волнении. Жителей прибрежных отмелей могло заставить так резко броситься на сушу лишь одно – мускусный запах морских драконов, ненамного опережающий их самих, уже распространился в воде.

– Теперь смотрите, – резко сказал старший лиимен.

С юга надвигался передовой косяк драконов – две или три дюжины огромных созданий, высоко распростерших черные широкие кожистые крылья и изогнувших длинные толстые шеи кверху, словно лук. Они не спеша вплыли в заросли морской травы и принялись собирать с них урожай: били крыльями по воде, спугивая жителей водорослей и с неожиданной свирепостью набрасывались на них, заглатывая без разбору и траву, и лобстеров, и зубожаб, и всех кто попадется. Эти гиганты были самцами. Позади них, переваливаясь с боку на бок, плыла небольшая группа самок, раздувшихся как стельные коровы, а за ними – сам вожак стада, настолько огромный, что его можно было принять за перевернутый килем вверх корабль, и то это была видимая часть вожака – лапы и хвост находились под водой.

– Склонитесь и воздайте молитву! – приказал старший и упал на колени.

Вытянутой левой рукой с семью костлявыми длинными пальцами он снова и снова творил знак морского дракона: растопыренные крылья, хищно изогнутая шея. Он наклонился и потерся щекой о мокрый холодный песок, поднял голову, посмотрел на вожака драконов, которых был сейчас не более чем в двухстах ярдах от берега, и усилием воли попытался призвать огромного зверя к берегу.

– Приди к нам... приди... приди...

– Настало время. Мы долго ждали. Приди... спаси нас... веда нас... спаси...

– Явись!

Глава 10

Механическим росчерком он поставил подпись на чуть ли не десятитысячном за сегодня документе: *«Элидат Морвольский, первый советник и регент»*. Рядом с подписью он небрежно проставил дату, и один из секретарей Валентина положил перед ним новую стопку бумаг.

Подписанию бумаг Элидат посвятил весь день – это тяжкое мучение повторялось ежедневно, но без него никак нельзя было обойтись. Каждый втородень после полудня он покидал свою резиденцию – Двор Пинитора и являлся во внутренний Замок, в кабинет короля, усаживался за величественный стол лорда Валентина с огромной столешницей из темно-красного палисандра, на которой узор волокон складывался в эмблему звездного огня, и час за часом секретари один за другим подкладывали ему бумаги, приходящие из всевозможных правительственных учреждений сюда на окончательное утверждение. Пускай даже король был в отъезде с великой процессией, шестерни государства продолжали крутиться, извергая нескончаемым потоком указы, поправки к указам и указы об отмене указов. И все это должен был подписывать король или назначенный им регент – одному Божееству известно зачем. И еще раз: *«Элидат Морвольский, первый советник и регент»*. И число. Готово.

– Давайте дальше, – сказал Элидат.

Поначалу он честно старался прочитать или хотя бы пробежать глазами каждую бумагу, перед тем как подписывать. Затем перешел на чтение кратких пояснений, прикрепленных к каждой папке – восемь или десять строк. Но даже и это чтение ему пришлось давным-давно прекратить. Неужели Валентин прочитывал все это? – удивлялся он. Это невозможно. Даже если читать только пояснения и выжимки, потребуются целиком все дни и ночи без перерывов на сон и еду, и, уж конечно, на серьезные государственные дела тоже не хватит времени. И сейчас Элидат ставил подпись почти не глядя. Он понимал, что, возможно, росчерком пера запрещает есть сосиски в зимнедень, или объявляет вне закона дожди в провинции Стойензар, а может быть, вообще подписывает конфискацию всех своих поместий и передачу их в пенсионный фонд административных секретарей. Понимал, но все равно подписывал. Король – или его заместитель – должен доверять компетенции своих служащих, в противном случае работы станет не просто очень много, а невозможно много.

И он подписывал. *«Элидат Морвольский, первый советник...»*

– Дальше!

Он все еще чувствовал себя немного виноватым, что не читает документы. Но неужели королю действительно важно знать о том, что города Малдемар и Тидиас пришли к соглашению насчет совместного владения какими-то виноградниками, о принадлежности которых они спорили, начиная с седьмого года понтифика Тимина и короля лорда Кинникена? «Нет. Нет, – думал Элидат. – Подписывай и давай дальше, а Малдемар и Тидиас теперь добрые соседи, пускай возрадуются и не беспокоят короля».

«Элидат Морвольский...»

Он держал в руках очередную бумагу и искал где расписаться, когда секретарь сказал:

– Сэр, прибыли лорды Миригант и Диввис.

– Зовите, – ответил он, не поднимая головы.

«Элидат Морвольский, первый советник и регент...»

Лорды Миригант и Диввис, советники внутреннего круга, кузен и племянник лорда Валентина, соответственно, являлись к нему каждый день примерно в это же время, чтобы пригласить на пробежку по улицам Замка; таким образом он отдыхал от напряженных обязанностей регента. Другого времени для физических упражнений у него не было, и ежедневная пробежка была по-настоящему бесценной.

Пока лорды, грохоча башмаками по украшенному искусной мозаикой полу, шли от двери к столу через большой роскошный кабинет, отделанный панелями из банникопа, семотана и других редких пород дерева, Элидат успел подписать еще пару документов. Он потянулся за третьим, сказав себе, что на сегодня это последний. Там был всего один лист, и Элидат поймал себя на том, что читает его. Это был патент на дворянство, ни больше ни меньше, возвышающий какого-то счастливчика из простого люда до посвященного рыцаря Замковой горы в знак признания его высокого достоинства, неоценимых заслуг и так далее...

– Что вы сейчас подписываете? – спросил Диввис, перегнувшись через стол и показывая на бумагу перед Элидатом. Это был крупный мужчина среднего возраста, чернобородый и плечистый, до жути похожий на своего отца, бывшего короля. – Валентин опять снижает налоги? Или решил сделать государственным праздником день рождения Карабеллы?

К подобным шуточкам Диввиса Элидат привык, но сейчас, после целого дня нудной и бессмысленной работы, шутить ему не хотелось. Неожиданно он разозлился.

– Леди Карабеллы, вы хотите сказать? – резко спросил он.

Диввис, похоже, изумился:

– Мы сегодня общаемся по всей форме, первый советник Элидат?

– Если бы я назвал вашего покойного отца просто Вориаксом, то представляю себе...

– Мой отец был королем, – произнес Диввис холодно и напряженно, – и заслужил все уважение, оказываемое покойным государям. Тогда как леди Карабелла всего лишь...

– Леди Карабелла, кузен, супруга вашего царствующего государя, – сухо перебил Миригант, повернувшись к Диввису с таким гневом, какого Элидат никогда не видел от этого добродушного человека. – Также, должен напомнить, она является женой брата вашего отца. И в силу двух этих причин...

– Ладно, – устало произнес Элидат. – Хватит глупостей. На пробежку-то мы сегодня выйдем?

Диввис рассмеялся:

– Если вы не слишком устали от выполнения обязанностей короля.

– Больше всего мне бы хотелось, – сказал Элидат, – побегать вниз с горы до самого Морвола. Может, месяцев за пять хорошим шагом и доберусь, и следующие три года заниматься своим садом... А, ладно! Пойду с вами на пробежку. Дайте только с этим закончить...

– Празднование дня рождения леди Карабеллы, – улыбаясь, сказал Диввис.

– Патент на дворянство, – ответил Элидат, – согласно которому, если вы помолчите, среди нас появится новый посвященный рыцарь, некий Хиссун, сын Эльсиномы, как тут написано, житель Лабиринта, в знак признания его высокого достоинства, неоценимых заслуг и так далее...

– Хиссун, сын Эльсиномы? – возопил Диввис. – Да вы хоть знаете, Элидат, кто он такой?

– С чего бы мне знать такие подробности?

– Вспомните торжество в честь восстановления Валентина на престоле, когда он настоял, чтобы вместе с нами в тронном зале Конфалюма были все эти его неприятные типы: жонглеры, однорукий скандар-капитан, хьорт с оранжевыми усами и прочие. Помните, среди них был еще и мальчишка?

– Вы о Шанамире?

– Нет, тот был еще моложе. Маленький худенький мальчик десяти-одиннадцати лет, не уважающий вообще никого, с глазами воришки. Он все время задавал глупые вопросы и кланялся у всех медали и знаки различия, цеплял их себе на тунику и без конца вертелся у зеркала. Мальчишку звали Хиссун!

– Маленький мальчик из Лабиринта, – сказал Миригант, – который взял со всех обещание нанять в проводники именно его, если им случится попасть в Лабиринт. Да, я его помню. Очень умный плутишка, я бы сказал.

– Этот плутишка теперь посвященный рыцарь, – сказал Диввис, – или станет им, если Элидат не порвет сейчас указ, на который с таким недоумением глядит. Вы ведь не станете его утверждать, Элидат?

– Стану, конечно.

– Посвященный рыцарь из Лабиринта?

Элидат пожал плечами:

– Мне без разницы, пусть хоть меняющий облик из Илиривойна. Я здесь не для того, чтобы перекраивать решения короналя. Если Валентин сказал, что он посвященный рыцарь, значит, он посвященный рыцарь, будь он хоть мошенник, хоть рыбак, продавец сосисок, метаморф, да хоть уборщик навоза... – Он быстро вписал дату около подписи. – Вот. Готово! Теперь этот мальчик так же благороден, как вы, Диввис.

Диввис с важным видом выпрямился:

– Мой отец, лорд Вориакс, был короналем. Мой дед Дамиандейн был первым советником, мой прадед...

– Да, нам всем это известно. И я говорю, что этот мальчик теперь такой же благородный, как вы, Диввис. Так написано в указе. И в другом таком же указе так же написано о ком-то из ваших предков, я уж не знаю, насколько давно и за какие заслуги. Или вы считаете, что знатность дается от рождения, как четыре руки и темная шерсть у скандаров?

– Вы сегодня вспыльчивы, Элидат.

– Именно так. Посему имейте это в виду и постарайтесь не докучать мне.

– В таком случае простите меня, – сказал Диввис без особого раскаяния.

Элидат встал, потянулся и выглянул в большое закругленное окно перед столом короналя. С этой стороны замкового комплекса, с самой вершины горы, открывался вид на бескрайний воздушный простор, где парили на головокружительной высоте два огромных черных стервятника, чувствовавшие себя как дома. С надменным видом они кружили один чуть выше другого, ослепительное солнце сверкало на блестящих хохолках их золотых голов. Элидат следил за свободным полетом птиц и понимал, что завидует им. Он медленно покачал головой. После напряженного трудного дня у него аж ноги подкашивались. *«Элидат Морвольский, первый советник и регент...»*

Он подумал, что на этой неделе будет ровно шесть месяцев с тех пор, как Валентин уехал с великим паломничеством. А словно несколько лет прошло... Неужели это и означает быть короналем? Выматывающий рутинный труд изо дня в день и никакой тебе свободы? Уже десять лет ему непрерывно грозила опасность превратиться в короналя. Он – прямой наследник, и всем это ясно чуть ли не с того дня, как лорд Вориакс погиб в лесу, и корона неожиданно перешла к его младшему брату. Элидат знал, что если вдруг что-то случится с лордом Валентином, то короной пылающей звезды увенчают его. Или, если понтифик Тиверас когда-нибудь все же умрет, и Валентину придется перейти в Лабиринт, то короналем быть опять же Элидату. Если только он к тому времени не состарится, ведь короналем должен быть мужчина в расцвете сил, меж тем Элидату уже за сорок, и Тиверас, похоже, будет жить вечно.

И если дойдет до него, он не откажется, не сможет отказаться. Отказаться немислимо. Но с каждым годом он все более пылко молился за долгую жизнь понтифика Тивераса и долгое благополучное правление короналя – лорда Валентина. За месяцы регентства он лишь укрепился в этом. Когда он мальчишкой бывал в замке лорда Малибора, ему казалось, что быть короналем – самое чудесное занятие на свете, и он очень завидовал Вориаксу, который был старше его на восемь лет и стал короналем после смерти лорда Малибора. Теперь же он отнюдь не считал, что быть короналем – чудесное дело. Но если корона перейдет к нему, сопротивляться он не будет. Он помнил, что однажды сказал старый Дамиандейн, первый советник, отец Вориакса и Валентина – короналем лучше всего назначать человека, у которого достаточно

навыков для этого дела, но который не гонится за короной изо всех сил. «Что ж, тогда, я самый подходящий кандидат, – безрадостно сказал себе Элидат. – Но может быть, до этого не дойдет».

– Ну что, побежим? – спросил он с наигранным пылом. – Пять миль, а потом глотнем какого-нибудь хорошего золотого вина?

– Конечно, – ответил Миригант.

Когда они выходили из комнаты, Диввис остановился возле выпирающей из дальней стены огромной полусферы глобуса из бронзы и серебра, на которой специальный индикатор отображал маршрут путешествия короналя.

– Взгляните, – сказал он, показывая пальцем на рубиновый шарик, что светился на поверхности глобуса, словно налитый кровью глаз горной обезьяны, – он уже довольно далеко к западу от Лабиринта. Спускается вниз по реке. Это ведь Глейдж?

– Думаю, Трей, – ответил Миригант, – он направляется в Треймоун, как мне кажется.

Элидат кивнул. Он подошел к глобусу и легонько провел рукой по гладкой как шелк металлической поверхности.

– Да. Оттуда в Стойен, а дальше, полагаю, сядет на корабль и переправится через Залив в Перимор, и вверх по побережью до Алаизора.

Он не мог отнять руку от глобуса и ласкал округлости континентов, будто Маджипур был женщиной, а Алханроэль и Зимроэль – ее грудями. Как прекрасен мир и как прекрасно его изображение! На самом деле, это был только полуглобус, потому что другое полушарие Маджипура было сплошь покрыто практически неисследованным океаном, и не было смысла изображать его на глобусе. Все три континента, представленные на глобусе, находились в одном полушарии. Алханроэль с большим зубренным пиком Замковой горы, выступающим в комнату, покрытый лесами Зимроэль, пустынный Сувраэль внизу, а между ними, во Внутреннем море, Остров сновидений, дом благословенной Владычицы. В деталях были изображены многие города, горные цепи, крупнейшие реки и озера. Какой-то непонятный Элидату механизм все время отслеживал положение короналя, и светящийся красный шарик постоянно двигался, отображая его перемещения, так что всегда можно было узнать, где лорд Валентин сейчас находится. Будто в трансе, Элидат провел пальцем по маршруту великого паломничества: Стойен, Перимор, Алаизор, Синталмонд, Даниуп, по ущелью Кинслейн в Сантискион, и обратно по широкому кругу через предгорья, снова к Замковой горе...

– Вам ведь хочется ехать с ним? – спросил Диввис.

– Или вместо него? – сказал Миригант.

Элидат резко повернулся к старшему мужчине.

– На что это вы намекаете?

– Разве не ясно? – ответил смущенно Миригант.

– Думаю, что вы обвиняете меня в противозаконных замыслах.

– Противозаконных? Тиверасу двадцать лет как пора умереть. Он жив только благодаря каким-то чарам...

– Передовым успехам медицины, вы хотите сказать? – переспросил Элидат.

– Это одно и то же, – пожал плечами Миригант. – Кабы все шло естественным образом, Тиверас уже давно бы умер, и нашим понтификом сделался бы Валентин. И новый корональ возглавлял бы свое первое великое паломничество.

– Это решать не нам, – проворчал Элидат.

– Да, – сказал Диввис, – это решает лорд Валентин. А он ничего решать не будет.

– Будет, когда настанет время.

– Когда? Через пять лет? Десять? Сорок?

– Вы хотите заставить короналя принять решение, Диввис?

– Я хочу дать короналю совет. Это наш долг – ваш, мой, Мириганта, Тунигорна, всех нас, кто входил в правительство до переворота. Мы должны сказать ему: настало его время спуститься в Лабиринт.

– Думаю, настало наше время начать пробежку, – сухо сказал Элидат.

– Элидат, послушайте! Я что, наивный младенец? Мой отец был короналем, мой дед занимал пост, который сейчас занимаете вы, я провел всю свою жизнь возле средоточия власти, и я все понимаю не хуже других. У нас нет понтифика. Лет восемь, если не десять, вместо понтифика у нас, можно сказать, живой труп, сидящий в Лабиринте в стеклянном пузыре. Хорнкаст с ним говорит или делает вид, что говорит, получает от него указания или притворяется, что получает, но фактически понтифика у нас вообще нет. И как долго сможет таким образом функционировать правительство? Сдается мне, Валентин пытается быть понтификом и короналем сразу, а с такой ношей не справиться никому, и от этого страдает вся структура власти, все парализовано...

– Хватит, – сказал Миригант.

– ...и он не вступит в эту должность, потому что он молод, ненавидит Лабиринт и притащил из изгнания новую свиту – всех этих жонглеров и пастухов, что так очарованы красотами Горы, что не дают ему увидеть, что его истинный долг...

– Хватит!

– Нет, подождите, – серьезным тоном продолжил Диввис. – Элидат, вы ведь не слепой. Всего лишь восемь лет назад мы столкнулись с невероятным в нашей истории событием – законного короналя свергли с престола, заменили на самозванца, и мы об этом не узнали. И это был не просто самозванец, Элидат, а марионетка метаморфов! А Король Снов был и вовсе метаморфом! Узурпированы были две из четырех ветвей власти, сам Замок был полон метаморфов...

– И каждый был раскрыт и уничтожен, Диввис. И законный владелец храбро отвоевал трон.

– Да. Именно так. Но, думаете, метаморфы смиренно вернулись в свои джунгли? Нет, говорю вам, они прямо в эту минуту замышляют погубить Маджипур и забрать себе все, что останется! Мы знаем об этом со времен возвращения Валентина, но что он сам по этому поводу предпринял? Что он сделал, а Элидат? Распахнул перед ними дружеские объятия. Пообещал исправить прошлые ошибки и залечить старые раны. Да, а они тем временем строят нам козни!

– Я побегу без вас, – сказал Элидат, – оставайтесь здесь, садитесь за стол короналя, подписывайте все эти горы документов. Ведь этого вы хотите, не так ли, Диввис? Сесть за этот стол?

Он гневно повернулся и вышел из кабинета.

– Подождите, – сказал Диввис, – мы идем.

Он бегом догнал Элидату, зашел сбоку и поймал его за локоть. Тихим голосом, так не похожим на его обычную манеру насмешливо растягивать слова, он произнес:

– Я говорил лишь о том, что Валентину следует занять должность понтифика – не о наследовании. Неужели вы считаете, что я буду соперничать с вами из-за короны?

– Я не претендую на корону, – сказал Элидат.

– Никто не претендует, – ответил Диввис, – но даже ребенку ясно, что вы – наиболее вероятный наследник, Элидат!

– Оставьте его в покое, – сказал Миригант, – мы все-таки собрались на пробежку.

– Верно. Давайте уже, побегим, и хватит этих разговоров, – сказал Диввис.

– Слава Боже, – пробормотал Элидат.

Он пошел вниз по истертым за тысячелетия до блеска широким каменным ступеням, и, миновав стражу, вышел на площадь Вильдивара, вымощенную розовыми гранитными плитами, что соединяла внутренний Замок, основную рабочую резиденцию короналя, с лаби-

ринтом прочих зданий, что громоздились вокруг на вершине Горы. Голову будто сдавливал раскаленный стальной обруч – сперва подписывать дурацкие бесконечные бумаги, потом выслушивать граничащие с изменой речи Диввиса...

И при этом он знал, что Диввис прав. Так не могло больше продолжаться. Когда нужно предпринимать масштабные решительные действия, понтифик и корональ должны совещаться между собой и совместно оценивать все риски. Но понтифика в мире фактически не было. Валентин пытался действовать в одиночку и потерпел неудачу. Даже величайшие из короналей: Конфалюм, Престимион, Деккерет не пытались править Маджипуром в одиночку. И ведь задачи, которые они решали, не шли в сравнение с тем, с чем столкнулся Валентин. Кто бы мог подумать во времена Конфалюма, что тихие покорные метаморфы когда-нибудь восстанут, чтобы вернуть себе весь мир? И что прямо сейчас где-то в тайных местах всюду идет подготовка к войне? Элидат не сможет забыть последние часы войны за возвращение престола, когда он с боем прорывался в подземелья, где стояли машины, управляющие погодой на Замковой горе, и чтобы спасти машины, он убивал стражей, одетых в униформу гвардии короналя, и они в момент смерти изменялись, их лица становились лицами метаморфов – безносыми, косыми, со ртами-щелями. С тех пор минуло восемь лет, и Валентин все еще надеялся окружить этот злокозненный народ любовью и найти достойный и мирный путь, чтобы унять их ярость. Но вот уже восемь лет, как в этом направлении ничего не достигнуто, и кто знает, какую новую диверсию осуществляют сейчас метаморфы?

Элидат глубоко вдохнул и пропустил вперед большими скачками, сразу же оставив Мириганта с Диввисом далеко позади.

– Эй! – позвал Диввис. – И это, по-вашему, бег трусцой?

Он не обратил внимания. Душевную боль можно было прогнать только болью физической, и он бежал изо всех сил, загоняя себя до предела возможностей. Вперед, вперед, вперед, мимо ажурной, с пятью шпилями, башни лорда Ариока, мимо капеллы лорда Кинникена, мимо подворья понтифика. Вниз по Гуаделумову каскаду, вокруг приземистого черного здания сокровищницы лорда Пранкипина, вверх по Девяноста девяти ступеням, сердце начинает колотиться... В сторону вестибюля Двора Пинитора – вперед, вперед, он ходил по этим улицам каждый день уже тридцать лет, с тех пор как ребенком переехал сюда из Морвола у подножия горы, чтобы выучиться искусству управления государством. Сколько раз они бегали здесь с Валентином, или со Стазилейном, или с Тунигорном – они были близки как братья, четверо мальчишек, носящихся по всему замку лорда Малибора – так он назывался в те дни, и как же им было тогда здорово жить! Они думали, что короналем, как всем известно, станет лорд Вориакс, а они будут при нем советниками, а потом безвременно погиб лорд Малибор, а за ним, чуть позже, и лорд Вориакс, корона перешла к Валентину, и жизнь их четверки коренным образом изменилась.

И что дальше? Диввис говорит, что Валентину пора переехать в Лабиринт. Да. Да. Он, пожалуй, еще молод для этого титула, но ведь не велика радость взойти на трон, впав в старческое слабоумие, как Тиверас. Старый властитель заслужил упокоения в могиле, а Валентин должен отправиться в Лабиринт, и звездная корона перейдет...

Ко мне? К лорду Элидату? И замок будет называться замком лорда Элидата?

Эта мысль удивила, восхитила, но более всего – испугала его: за последние шесть месяцев он увидел, что это такое – быть короналем.

– Элидат! Вы погубите себя! Вы несетесь как сумасшедший! – Голос Мириганта слышался откуда-то издалека снизу, как будто его принесло ветром из другого города. Элидат был уже почти на вершине Девяноста девяти ступеней. Сердце в груди стучало, взор туманился, но он заставил себя подняться на самый верх, вбежать в узкий вестибюль, отделанный темно-зеленым – цвета короналя – камнем, и дальше – к административным зданиям Двора Пини-

тора. Ничего не видя, он завернул за угол, почувствовал сокрушительный удар, услышал чей-то сдавленный возглас, и упал, растянувшись, тяжело дыша и почти не в силах пошевелиться.

Затем он сел, открыл глаза и увидел худощавого молодого человека со смуглой кожей и темными волосами, собранными в сложную новомодную прическу. Юноша поднялся на трясущихся ногах и подошел к нему.

– Сэр? Сэр, вы в порядке?

– Я врезался в вас, да? Надо было... смотреть... куда бегу...

– Я вас заметил, но не успел увернуться, вы бежали так быстро... и вот... Позвольте, я помогу вам...

– Со мной все хорошо, юноша. Только... отдышусь...

Отвергнув предложенную помощь, он поднялся, отряхнул камзол, заметил, что на колене у него огромная дыра, через которую видно кровоточащую ссадину, и расправил плащ. Сердце все еще гулко стучало, и он чувствовал себя посмешищем. Вверх по ступеням поднимались Диввис и Миригант. Элидат повернулся к молодому человеку и начал уже рассыпаться в извинениях, но что-то в лице юноши остановило его.

– Что-то не так? – спросил Элидат.

– Вы случайно не Элидат Морвольский, сэр?

– Да, это я.

– Я так и подумал, когда разглядел вас поближе. – Парень рассмеялся. – Что ж, тогда вы – тот, кого я ищу! Мне сказали, что вас можно найти во Дворе Пинитора. У меня для вас сообщение.

Миригант и Диввис уже вошли в вестибюль. Они встали рядом с Элидатом, и, глядя на них, он понял, что сам являет столь же пугающее зрелище – красный, потный, очумелый от бешеного бега. Он попытался все объяснить, и указал на молодого человека:

– Я так спешил, что сбил с ног гонца с сообщением для меня. От кого оно, юноша?

– От лорда Валентина, сэр.

Элидат уставился на него:

– Что за шутки? Корональ вместе с великим паломничеством сейчас где-то к западу от Лабиринта.

– Да, он где-то там. Я был вместе с ним в Лабиринте и, когда он отослал меня на Гору, то первым делом велел разыскать вас и сказать...

– Сказать что?

Парень тревожно взглянул на Диввиса и Мириганта:

– Я думаю, что это сообщение лично вам, лорд.

– Это – лорды Миригант и Диввис, кровные родственники короналя. Вы можете говорить в их присутствии.

– Хорошо, сэр. Лорд Валентин велел мне передать Элидату Морвольскому... Ах да, должен представиться, я Хиссун, сын Эльсиномы... Передать Элидату Морвольскому, что он изменил свой план и посетит с великой процессией Зимроэль, а также навестит свою мать, Владычицу Острова Сновидений, перед возвращением, и таким образом вам нужно будет исполнять обязанности регента все время его отсутствия. По его прикидкам, это займет...

– Божество, смилуйся, – хрипло прошептал Элидат.

– ...год или даже полтора года сверх запланированного времени, – закончил Хиссун.

Глава 11

Вторым признаком беды, который заметил Этован Элакка, стали опадающие листья с нийковых деревьев, и это было на пятый день после пурпурного дождя.

Сам по себе пурпурный дождь не мог считаться первым признаком беды. На восточных склонах ущелья Дюлорн он был самым обычным явлением: там на поверхность выходят пласты скуввы – мягкого песка, имеющего бледную красновато-голубую окраску. В определенные периоды ветер с севера, который прозвали Чесалом, вздымает этот песок высоко в воздух, где он висит по нескольку дней целыми облаками и придает дождю чудесный лавандовый оттенок. Поместье Этована Элакки располагалось в тысяче миль к западу от тех мест, на другой стороне Разлома, неподалеку от Фалкинкипа, и несущий песок ветер никогда не задувал так сильно на запад. Но ветру, как знал Этован Элакка, свойственно менять направления, и, быть может, Чесало в этом году решил посетить другую сторону Разлома. В любом случае из-за пурпурного дождя не стоило беспокоиться, он всего-то оставлял повсюду красивый песчаный налет, который смывал первый же обыкновенный дождь. Нет, первым признаком беды был вовсе не пурпурный дождь, а то, что в саду Этована Элакки погибли чувствильники, и случилось это за два-три дня до пурпурного дождя.

Событие извечно непонятное, но вполне обычное. Чувствильникам, для того чтобы завянуть, не требуется особых внешних причин. Эти небольшие растения с золотыми листьями и невзрачными зелеными цветочками, растущие в лесах к западу от Мазадона, улавливают эмоции. Если в пределах досягаемости их рецепторов кто-нибудь злобно закричит, или подерутся лесные звери, или даже, как утверждали многие, если мимо пройдет человек, замисливший серьезное злодеяние, этого будет достаточно, чтобы листочки растений сложились, как ладони в молитве, и почернели. Этован Элакка часто думал о том, что с точки зрения биологии в этом нет никакой пользы, однако имелась тайна, которую, несомненно, можно раскрыть при детальном исследовании, и он собирался рано или поздно взяться за такое исследование. Ну а пока же он просто выращивал чувствильники у себя в саду, потому что любил веселые золотистые отблески их листьев.

В поместье Этована Элакки царили порядок и гармония, и никогда за все время, что он выращивал чувствильники, они у него не гибли, это был первый раз. И причина была совершенно непонятна. Кто мог произнести недобрые слова у границ его сада? А если растения вывел из равновесия злобный зверь, то как и откуда он попал сюда, в провинцию, где есть лишь мирный домашний скот?

Этован Элакка превыше всего ценил гармонию. Этот землевладелец и фермер, шестидесяти лет от роду, высокий, стройный, седой, имел сугубо аристократическое происхождение. Его отец был третьим сыном герцога Массиссы и двое его братьев последовательно занимали пост мэра Фалкинкипа, но его самого никогда не интересовала управленческая карьера, и, вступив в права наследования, он купил большой, роскошный участок земли в безмятежной зеленой холмистой местности на западном склоне Дюлорнского разлома и там воссоздал Маджипур в миниатюре – во всей красоте, спокойствии и гармонии, присущих миру.

Он выращивал обычные для района культуры: нийк, глейн, хингаморты, стаджу. Основной упор делал на стаджу, потому что спрос на вкусный, питательный хлеб из клубней стажди никогда не падал, и фермеры Разлома едва справлялись с обеспечением потребностей почти трехсот миллионов жителей Дюлорна, Фалкинкипа и Пидруида и многих миллионов обитателей более мелких окрестных городов. Чуть выше по склону располагались плантации глейна – ряд за рядом густых куполообразных десятифутовых кустов, между их узких серебристых листьев свисали крупные грозди небольших, но вкусных голубых плодов. Стаджу и глейн

издавна сажали рядом – корни кустов глейна насыщали почву азотом, затем дожди смывали ее вниз по склону, удобряя таким образом стаджу.

За рядами глейна находилась роща хингамортов, где из земли, словно пальцы, торчали сочные желтые грибовидные отростки, наполненные сахарным соком – они улавливали солнечный свет и снабжали энергией сами растения, что находились глубоко под землей. А вдоль границы владений Этована Элакки росли его знаменитые нийковые деревья, высаженные, как принято, группами по пять, образуя причудливые геометрические узоры. Он любил гулять между деревьев и ласково гладить их тонкие – не толще мужской руки – гладкие как шелк черные стволы. Дерево нийк жило только десять лет, в первые три года оно с невероятной скоростью росло, достигая сорокафутовой высоты, на четвертый год впервые распускались великолепные чашеобразные цветки, золотые, с кроваво-красной серединой, и с этого момента дерево в изобилии приносило плоды – белые полупрозрачные полумесяцы с резким запахом. Затем так же внезапно дерево умирало и за считанные часы превращалось в сухую палку, которую мог легко сломать даже ребенок. Плоды нийка в сыром виде ядовиты, но без них не обойтись при приготовлении столь любимых в гэйрогской кухне острых, грубых рагу и каш. Нийк настоящему хорошо рос только в Разломе, спрос на него не падал, и Этован Элакка прочно занимал место на рынке.

Земледелие давало Этовану Элакке ощущение полезности, но не удовлетворяло в полной мере его любовь к красоте. Поэтому он устроил частный ботанический сад и собрал там прекрасные и удивительные растения со всех концов света, какие только могли прижиться в теплом влажном климате Разлома.

Там были алабандины с Зимроэля и с Алханроэля, и естественные разновидности, и гибриды. Были танигалы и твейлы и дерево «Ночная красавица» из метаморфских лесов, на котором лишь в полночь на зимнедень появляются цветы во всем их ошеломляющем великолепии. Росли там пиннины и андродрагмы, пузырчатые деревья и резиновый мох, халатинги, выращенные из черенков, привезенных с самой Замковой горы, а также караманги, муорны, сихорнская лоза, сефитонгалы, эльдироны. Он экспериментировал даже с такими капризными растениями как огненные пальмы из Пидруида – они жили у него иногда шесть-семь сезонов, но на таком отдалении от моря никогда не зацветали, и с игольными деревьями с высоких гор, которые быстро засыхали без привычного им холода. Или странный, похожий на призрак, лунный кактус из Велализирской пустыни, который он тщетно пытался оградить от слишком частых дождей. Не обходил вниманием Этован Элакка и местные растения: он выращивал пузырчатку – странные раздутые деревья, что качались, как воздушные шары, на толстых стеблях, и злобные древопасти из мазадонских лесов, поющие папоротники, капустные деревья; была у него и пара огромных двикк и полдюжины папоротниковых деревьев доисторического вида. А чтобы заполнить место, он небольшими клумбами высаживал чувствильники, чей скромный и нежный вид являл собой контраст с яркими и крепкими растениями, составлявшими основу его коллекции.

День, когда погибли чувствильники, начался вполне обычно. Утром Этован Элакка вышел, как всегда, на прогулку в сад. Ночью прошел небольшой дождь, но настоящие ливни обошли сад стороной, и в небе не было ни облачка. Зеленый свет восходящего солнца отражался от гранитных скал на западе. Блестели цветы на алабандинах, голодные с утра древопасти без усталости класали зубами и жерновами, торчащими наполовину из глубоких выемок в середине их огромных розеток. В ветвях андродрагм, трепеща малиновыми крыльями, порхали, словно яркие искорки, крошечные долгоклювы. Но, несмотря на все это, у него были дурные предчувствия: накануне ему приснился кошмар, в котором скорпионы, дхиимы и другие вредители разоряли его поля. Поэтому он почти не удивился, когда обнаружил бедные чувствильники почерневшими и смятыми после какой-то ночной напасти.

Следующий час до завтрака Этован Элакка проработал в одиночку, угрюмо выдергивая поврежденные растения. Стебли были еще живы, но чувствильники было не спасти – на месте увядших листьев никогда не вырастут новые, а если их срезать, то остальное растение погибнет от болевого шока. И поэтому он выдергивал их дюжину за дюжиной, с содроганием ощущая, как они корчатся от его прикосновений, а потом сложил из погибших чувствильников костер. После этого он собрал возле бывших клумб главного садовника и всех работников и спросил, знает ли кто-нибудь, что так беспокоило растения. Однако никто не имел и представления.

Все утро он переживал гибель растений, но не такой Этован Элакка был человек, чтобы долго пребывать в унынии, и ближе к вечеру он успел купить в местном питомнике сто пакетов с семенами чувствильников: они продавались только семенами, потому что гибли при пересадке. На следующий день он лично посадил семена, и через шесть-восемь недель не останется даже следов от этого печального события. Тайна гибели растений так и осталась второстепенной загадкой, которая, может, когда-нибудь и разрешится, но, скорее всего, нет, и он выбросил ее из головы.

Через день или два произошло еще одно событие – пурпурный дождь. Явление редкое, но безвредное. Все единодушно решили, что так далеко на запад сдувду занес переменившийся не в свой сезон ветер. Почти целый день все было в лавандовых тонах, потом песок смыло дождем – обыкновенным. Пурпурный дождь Этован Элакка тоже выбросил из головы.

Однако же нийковые деревья...

Он наблюдал за сбором плодов глейна – после пурпурного дождя прошло уже несколько дней, – когда к нему подбежал старший садовник, невозмутимый морщинистый гэйрог по имени Симуст. Он был, против обыкновения, очень сильно взволнован: змееподобные волосы спутаны, раздвоенный язык так и мелькал, будто вот-вот вылетит изо рта.

– Нийк! – кричал он. – Нийк!

У нийков серовато-белые листья, узкие, словно карандаши, они торчат вертикально, как ударенные током, небольшими пучками на кончиках черных двухдюймовых ветвей. Ствол прямой и тонкий, веток мало, и они будто изломаны. Топорщащиеся вверх листья завершают картину и придают нийку такой угловато-колючий вид, что его ни с чем не спутаешь даже издали. И издали, когда они с Симустом еще бежали к роще, Этован Элакка разглядел нечто до невозможности странное – на каждом дереве все листья смотрели вниз, будто это были не нийки, а какие-нибудь плакучие танигалы, или вовсе халатинги!

– Вчера с ними все было хорошо, – рассказывал Симуст. – Сегодня утром с ними все было хорошо! А теперь... теперь...

Этован Элакка добежал до первой группы высаженных пятерками деревьев и потрогал ближайший ствол. Он показался странно легким. Этован Элакка толкнул, и дерево упало, сухие корни легко вывернулись из земли. Он толкнул второе дерево, третье...

– Погибли, – сказал он.

– Листья... – заметил Симуст. – Даже на мертвых нийках всегда торчат вверх. А как сейчас – я никогда не встречал ничего подобного.

– Неестественная смерть, – пробурчал себе под нос Этован Элакка, – это что-то новенькое, Симуст.

Он бегал от посадки к посадке, пиная деревья наземь, после третьей группы нийков он перешел на шаг, а после пятой медленно побрел, опустив голову.

– Погибли! Все погибли! Мои прекрасные нийки...

Да, засохла вся роща. Нийки умирают быстро, вся влага уходит из их губчатых ветвей, но роща, засаженная поэтапно в течение десяти лет, не могла полностью погибнуть в одночасье, да и странное поведение листьев было необъяснимо.

– Мы должны сообщить сельскохозяйственному агенту, – сказал Этован Элакка, – а еще, Симуст, отправь гонцов на ферму Хагидона, и к Нисмэйну, и к этому, как его, который возле

озера. Пусть спросят, не случилось ли у них чего с нийками. Уж не болезнь ли, а? Но ведь нийки ничем не болеют... Значит, какая-то новая болезнь, верно, Симуст? Свалилась на нас, как послание от Короля Снов.

– Пурпурный дождь, сэр.

– Цветной песок? Разве он может чему-то навредить? На той стороне Разлома он выпадает часто, но у них все в порядке. Ох, Симуст, нийки, мои нийки!

– Это все пурпурный дождь, – твердо произнес Симуст. – Он совсем не такой, как в восточных землях. Это был ядовитый дождь, и он убил все нийки!

– И чувствильники тоже? За три дня перед тем, как начался?

– Они очень нежные сэр. Может, они почувствовали яд в воздухе, когда дождь приближался.

Этован Элакка пожал плечами. Может быть... Может быть... А может быть, ночью из джунглей прилетали меняющие облик – на волшебных летающих машинах или на метлах – и рассыпали над землей какую-то колдовскую погибель. И такое может быть. В мире, состоящем из «может быть», возможно все.

– Что толку гадать? – с горечью сказал он. – Мы не знаем ничего. Только то, что погибли чувствильники и нийки. А что будет дальше, а, Симуст? *Что дальше?*

Глава 12

– Валентин, смотри! – вдруг с неожиданной радостью воскликнула Карабелла, весь день смотревшая в окно летающей лодки, как будто надеялась силой взгляда ускорить движение по унылым пустошам. – Кажется, мы наконец-то выбираемся из пустыни!

– Быть того не может, – ответил он. – Нам ехать по ней еще три или четыре дня. А может быть, пять, или шесть, или семь...

– Нет, ты *посмотри*!

Валентин опустил пачку бумаг, которые непрерывно листал всю поездку, сел прямо и тоже посмотрел в окно. Да! Божество свидетель, местность сделалась зеленой! И не того тусклого серо-зеленого цвета, что присущ скудной, корявой, жесткой и упрямой пустынной траве, а яркой сочной зелени настоящей маджипурской растительности, насыщенной энергией роста и плодородия. Итак, наконец-то он вырвался из поля злых чар Лабиринта, и караван короля покидал выжженное плоскогорье, под которым находилась подземная столица. Значит, он приближается к владениям герцога Насимонтского – Костяному озеру, горе Эберсинул, полям туйолы и милаиле, большой усадьбе, о которой Валентин был весьма наслышан...

Он легко положил руку на хрупкое с виду плечо Карабеллы и провел по спине, осторожно нажимая пальцами на упругие полосы мышц, лаская ее под видом массажа. Как же хорошо снова быть рядом с нею! Она присоединилась к нему в паломничестве неделю назад, в руинах Велализира, где они вместе знакомились с ходом археологических раскопок громадного каменного города метаморфов, который хозяева забросили пятнадцать, а то и двадцать тысяч лет тому назад. Ее прибытие помогло ему выбраться из мрачного и подавленного настроения.

– Ах, моя госпожа, до чего же одиноко мне было в Лабиринте без тебя, – негромко сказал он.

– И мне очень жаль, что меня там не было. Я ведь знаю, что ты терпеть не можешь это место. А уж когда мне сообщили, что ты заболел, о, меня просто совесть заела – как же так, находиться вдали от тебя, когда ты... – Карабелла потрянула головой. – Ты и сам знаешь, что я поехала бы с тобой, будь для этого хоть малейшая возможность. Но я давно пообещала жителям Сти присутствовать на освящении нового музея, и...

– Да, конечно. У супруги короля много собственных обязанностей.

– И все равно я никак не могу к этому привыкнуть. «Супруга короля»! Рядовая жонглерка из Тил-омона разъезжает по Замковой горе, произносит речи и освящает музеи...

– Карабелла, столько лет прошло, а ты все еще «рядовая жонглерка из Тил-омона»?

Она пожалала плечами и потерела пальцами тонкие, коротко подстриженные волосы.

– Моя жизнь – это всего лишь цепь странных случайностей, и могу ли я об этом забыть? Если бы в то время, когда ты скитался, я не состояла в труппе Залзана Кавола, если бы мы не остановились в той гостинице... и если бы тебя не лишили памяти и не выбросили, с мозгами не лучше, чем у черноногого блава, посреди Пидруида...

– Или если бы ты родилась не сейчас, а в эпоху лорда Хавилбова, или в каком-нибудь другом мире...

– Не смейся, Валентин.

– Прости, милая. – Он зажал ее маленькую озябшую руку между ладонями. – Но сколько можно оглядываться на то, кем ты когда-то была? Когда ты позволишь себе по-настоящему принять свое нынешнее бытие?

– Пожалуй, что никогда, – задумчиво произнесла она.

– Владычица жизни моей, как ты...

– Валентин, ты же все это знаешь.

Он на несколько секунд прикрыл глаза.

– Карабелла, еще раз говорю: тебя обожает вся Гора, каждый рыцарь, каждый принц, каждый лорд. Тебя любят, уважают, даже преклоняются...

– Да, Элидат. И Тунигорн, и Стазилейн, и многие другие. Те, кто действительно любит тебя, любят и меня. Но для многих других я остаюсь невесть кем, выскочкой, простолюдинкой, досадным недоразумением... наложницей...

– И кто же эти другие?

– Ты всех их знаешь.

– И все-таки кто?

Она ответила не сразу.

– Диввис. И лордики и рыцари из его окружения. И... и другие. Герцог Халанкский язвительно говорил обо мне с одной из моих фрейлин, а ведь Халанкс – твой родной город, Валентин! Принц Манганот Банглекодский. И еще, и еще... – Она повернулась к мужу, и он увидел страдание в ее темных глазах. – Или я все это вообразила себе? Или то, что я слышу как шепот за спиной, всего лишь шорох листьев? О, Валентин, порой я думаю, что они правы, что король не имеет права жениться на простолюдинке. Я не из их круга. И никогда в него не попаду. Мой повелитель, я причиняю тебе столько огорчений...

– Ты – моя радость, и ничего, кроме радости. Спроси Слита, каким было мое настроение в ту неделю, которую я провел в Лабиринте, и как оно изменилось после того, как ты присоединилась ко мне. Спроси Шанамира, Тунигорна... кого угодно, любого...

– Я знаю, дорогой мой. Когда я приехала, ты был невероятно мрачным и угрюмым, с неприязненным взглядом. Я с трудом узнала тебя.

– Несколько дней в твоём обществе полностью исцелили меня.

– И все же я думаю, что ты не совсем еще пришел в себя. Наверное, ты успел вобрать в себя слишком много Лабиринта и никак не можешь от него избавиться, да? А может быть, тебя тяготит пребывание в пустыне. Или в руинах.

– Нет, вряд ли.

– Что же, в таком случае?

Валентин снова всмотрелся в пейзаж, разворачивавшийся за окном летающей лодки, где становилось все зеленее, все чаще попадались купы деревьев, плоская равнина понемногу сменялась холмами. Все это должно было уже привести его в безоблачное настроение – но пока не могло. На душе у него лежало тяжкое бремя, которое он никак не мог сбросить.

– Сон, Карабелла, – сказал он, немного помолчав. – Видение, знамение, называй как хочешь, но оно не выходит у меня из головы. И кем, скажи на милость, я останусь в истории?! Короналем, который утратил свой трон и сделался жонглером, но все же вернул власть и так плохо управлял, что мир погряз в хаосе и безумии... ах, Карабелла, Карабелла, неужели так оно и есть? Неужели я стану последним из королей, сменявших друг друга на протяжении четырнадцати тысяч лет? И вообще, останется ли хоть кто-нибудь, чтобы *описать* мою историю, а?

– Валентин, ты никогда не управлял плохо.

– Скажи еще, что я не чрезмерно мягок, не излишне сдержан, не слишком стараюсь рассматривать все стороны проблем...

– Это вовсе не недостатки.

– А вот Слит считает – недостатки. Слит считает, что моя боязнь войны и вообще насилия любого рода толкают меня на неверный путь. Он говорил это совершенно недвусмысленно.

– Но, мой повелитель, ведь никакой войны нет.

– Этот сон...

– Я думаю, что ты воспринял этот сон слишком буквально.

– Нет, – возразил он, – рассуждать так, все равно что закрывать глаза: Тизана и Делиамбер согласны со мною, что мы стоим на пороге великих потрясений, возможно, войны. А Слит

совершенно уверен в этом. Он вбил себе в голову, что метаморфы готовы восстать против нас, что они уже семь тысяч лет готовят священную войну.

– Слит чересчур кровожаден. К тому же он с юности испытывает необъяснимый страх перед меняющимися облик. Ты и сам это знаешь.

– Когда мы восемь лет назад отвоевывали Замок, там было множество метаморфов, прикидывавшихся представителями самых разных рас. Они ведь нам не померещились, верно?

– Но ведь их попытка переворота полностью провалилась.

– И что же мешает им попытаться снова?

– Валентин, но ведь если твоя политика...

– Моя политика? Какая политика? Я протягиваю руку метаморфам, а они уворачиваются! Знаешь, как я рассчитывал, что во время нашей поездки в Велализир на минувшей неделе ко мне присоединятся с полдюжины их вождей! Хотел, чтобы они увидели, как мы восстанавливали их священный город, увидели сокровища, которые мы нашли, и, может быть, взяли бы что-нибудь из святынь к себе в Пьюрифайн. Но, Карабелла, я не получил от них никакого ответа, даже отказа.

– Ты заранее знал, что раскопки Велализира могут стать причиной осложнений. Не исключено, что их возмутило наше вторжение туда, и тем более намерение реставрировать город. Ведь существует легенда, что они когда-нибудь сами восстановят его.

– Да, – мрачно кивнул Валентин. – После того, как вернут себе власть над Маджипуром и изгонят всех нас из своего мира. Эрманар рассказал однажды. Пожалуй, так оно и есть – приглашение их в Велализир могло быть ошибкой. Но и все мои предыдущие инициативы они тоже игнорировали. Я писал их королеве, Данипьюр, в Илиривойн, а она если и отвечала, то не более трех формальных, холодных, пустых фраз... – Он тяжело вздохнул. – Впрочем, Карабелла, хватит о грустном! Никакой войны не будет. Я, так или иначе, сумею переломить ненависть, которую испытывают к нам меняющие облик, и привлечь их на свою сторону. А что касается лордов Горы, которые язвят в твой адрес, если, конечно, они делают это намеренно... умоляю тебя, не обращай на них внимания. Или кусни в ответ! Кто такие для тебя Диввис или герцог Халанкский? Дураки они, только и всего. – Валентин улыбнулся. – Скоро я предоставлю им более интересные причины для беспокойства, нежели родословная моей супруги!

– Ты о чем?

– Если их так раздражает простолюдинка в роли консорта короналя, что они скажут о коронале из простонародья?

Карабелла растерянно уставилась на него.

– Валентин, я тебя совсем не понимаю.

– Поймешь. Придет время, и ты все поймешь. Я намерен произвести в этом мире некоторые серьезные изменения... о, милая, когда будут писать историю моего правления, если, конечно, Маджипур доживет до тех пор, то, ручаюсь, одним томом не обойдутся! Я такого натворю... сногшибательного!.. – Он рассмеялся. – Ну, Карабелла, как тебе мое хвастовство? Нравится? Прекраснодушный лорд Валентин вознамерился поставить мир с ног на голову! Как, по-твоему, у него получится? Справится?

– Мой повелитель, ты смеешься надо мною! Чем дальше, тем непонятнее.

– В общем-то, да.

– Ты даже намека на отгадку не даешь.

Валентин немного помолчал.

– Карабелла, ответ – одно короткое слово. Хиссун.

– Хиссун? Тот маленький шпаненок из Лабиринта?

– Уже не шпаненок. Оружие, которое я обратил против Замка.

Карабелла тяжело вздохнула.

– Загадки, загадки, загадки!..

– Говорить непонятно – привилегия правителя. – Валентин подмигнул, притянул Карабеллу к себе и легонько коснулся губами ее губ. – Прости уж мне эту маленькую прихоть. И... Машина вдруг остановилась.

– Эй, смотри! Мы уже на месте! – воскликнул Валентин. – Это Насимонт! И, клянусь Владычицей, похоже, что он собрал встречать нас добрую половину всей провинции!

Караван въехал на просторный луг, поросший короткой упругой травой, до того зеленой, что цвет воспринимался каким-то другим, небывалым, откуда-то с дальнего конца спектра. Под идеально прозрачным солнечным полуденным небом уже шло огромное празднество, растянувшееся, вероятно, на несколько миль – в поле зрения находились десятки тысяч веселящихся людей. Под грохот пушек и пронзительные звенящие мелодии систиранов и двухгрифовых галистанов к небосводу то и дело вздымались залпы специальных, дневных фейерверков, вычерчивавших над головами четкие черные и фиолетовые узоры. Над толпой возвышались на двадцатифутовых ходулях клоуны в огромных масках с выпуклыми красными лбами и гигантскими носами. Ветерок развеивал на огромных столбах знамена с пылающими звездами. На полудюжине сцен сразу полдюжины оркестров одновременно сотрясали воздух гимнами, маршами и хоралами, а средоточием всего карнавала являлась, по-видимому, целая армия жонглеров; вероятно, сюда явились все, жившие в радиусе шестисот лиг, умевшие худо-бедно подбрасывать в воздух несколько вещей, так что вокруг мелькали дубинки, ножи, топоры, пылающие факелы, ярко раскрашенные шары и сотни других предметов, что, несомненно, являлось данью уважения любимому развлечению лорда Валентина. После мрачной, давящей атмосферы Лабиринта это было самым великолепным, какое только можно представить, возобновлением великого паломничества – неистовое, захватывающее, немного смешное, совершенно восхитительное событие.

Посреди всего этого столпотворения, на краю площадки, явно предназначенной для остановки каравана летающих лодок, спокойно стоял рослый, худощавый немолодой мужчина с приветливой улыбкой, не очень-то сочетавшейся с суровым обветренным лицом с резкими чертами и пронзительным взглядом. Это и был Насимонт, землевладелец, превратившийся в бандита, а затем вновь ставший землевладельцем, некогда – самозванный герцог Ворнекского утеса и властитель Западных пределов, теперь же возведенный декретом лорда Валентина в титул герцога Эберсинульского.

– Ой, смотри! – воскликнула Карабелла и закатилась хохотом. – Он ради нас обрядился в свой разбойничий костюм!

Валентин кивнул, расплывшись в улыбке.

При первом их знакомстве с Насимонтом, состоявшемся в заброшенных безымянных руинах какого-то города метаморфов в пустыне юго-западнее Лабиринта, герцог-разбойник был одет в несуразные куртку и легинсы, сделанные из густого красного меха пустынных зверьков вроде крупных крыс и нелепую желтую меховую шапку. Произошло это как раз в то время, когда отчаявшийся Насимонт, разорившийся и изгнанный из своих владений из-за бессердечных и разрушительных действий последователей ложного лорда Валентина, проходивших через этот регион во время великого паломничества узурпатора, принялся грабить попадавшихся в пустыне проезжих. Теперь он снова полноправно владел своими землями и мог одеваться при желании в шелка и бархат, обвешиваться амулетами, укрывать лицо масками из перьев и драгоценными лорнетами, но предпочел облачиться в ту самую неряшливую, смешную одежду, которую носил во время изгнания. Насимонт всегда отличался первоклассным вкусом, подумал Валентин, и ностальгический выбор одежды в такой день, как этот, был не чем иным, как демонстрацией этого вкуса.

Валентин уже несколько лет не видел Насимонта. В отличие от большинства тех, кто был рядом с Валентином в последние дни войны за возвращение престола, Насимонт не прельстился местом в совете короля на Замковой горе, а желал лишь вернуться в свои любимые

сельские места у подножия горы Эберсинул, близ Костяного озера. Это было не так-то просто сделать, поскольку владения, незаконно отторгнутые у Насимонта, успели самым законным образом перейти к другим хозяевам, но правительство лорда Валентина в первые годы после его возвращения к власти уделяло много внимания подобным казусам, и в конце концов Насимонт получил обратно все, что было им утрачено.

Валентину больше всего хотелось выскочить из машины и обнять своего старого сподвижника. Но протокол, безусловно, запрещал подобные поступки – короналю, в отличие от любого горожанина, ни в коем случае нельзя было влиться в эту вольную толпу.

Так что ему пришлось ждать, пока пройдет помпезная церемония расстановки почетного караула: высоченный, массивный косматый скандар Залзан Кавол, возглавлявший его стражу, кричал и вальяжно помахал четырьмя руками, и мужчины и женщины в броских зелено-золотых мундирах выходили из машин и образовывали живую анфиладу, сдерживавшую толпы зевак, королевские музыканты исполняли королевский гимн, и так далее и тому подобное, пока наконец к летающей лодке правителя не подошли Слит и Тунигорн, которые, как полагалось, распахнули двери машины и позволили короналю и его супруге выйти в золотое тепло дня.

И лишь тогда он получил право пройти под руку с Карабеллой между двумя шеренгами стражи полпути навстречу Насимонту, а затем пришлось остановиться и ждать, покуда герцог пройдет оставшееся расстояние, отдаст подобающий поклон, сделает знак пылающей звезды и еще раз торжественно поклонится Карабелле...

И Валентин, расхохотавшись, зашагал вперед, крепко стиснул в объятиях старого бандита, а потом они вместе пошли через раздававшуюся перед ними толпу к почетной трибуне, возвышавшейся над ликующим народом.

И вот начался грандиозный парад, какие по традиции издавна устраивали по случаю прибытия короналя, и открыли его музыканты, жонглеры, акробаты, прыгуны, клоуны и укротители страшных на вид диких животных, которые на самом деле вовсе не были дикими, а специально выращивались для дрессировки. А после первых групп артистов повалили обычные жители; они маршировали с величайшим старанием, отчего беспорядок и разноречивость усиливались, достигая прямо-таки феерического великолепия, и, проходя мимо трибуны, кричали: «Валентин! Валентин! Лорд Валентин!»

И корональ улыбался, и махал рукой, и аплодировал, и совершал разные другие действия, предписанные короналю во время паломничества, в частности, излучал радость, оптимизм и ощущение целостности мира. Изображать все это было, как он выяснил к настоящему времени, неожиданно трудным делом, поскольку темная туча, окутавшая его душу в Лабиринте, продолжала угнетать его жизнелюбивую, солнечную по сути своей натуру.

День клонился к вечеру, и праздник понемногу стихал, потому что даже по столь весомой причине, как визит короналя, невозможно без усталости веселиться и ликовать целый день. Как только общее возбуждение пошло на спад, началась та часть праздника, которая менее всего нравилась Валентину – когда в глазах окружающих проявилось неудержимое пристрастное любопытство, сразу напомнившее ему, что правитель – это лишь диковина, священное чудовище, непостижимое и даже ужасающее для тех, кто знает его только как носителя титула, обладателя короны, горностаевой мантии и места в истории. Это тоже пришлось терпеть до тех пор, пока наконец шествие не закончилось и шум веселья не сменился вялым гулом усталой толпы, и бронзовые тени не удлинились, а воздух не наполнился прохладой.

– Не пойти ли теперь в мой дом, ваше величество? – спросил Насимонт.

– Думаю, пора, – ответил Валентин.

Особняк Насимонта, красивое здание эксцентричной архитектуры, расположившееся на обширном выступе розового гранита, походило на какое-то громадное летающее создание без перьев, ненадолго присевшее отдохнуть на скале. На самом деле это был всего лишь шатер – но столь громадного и причудливого шатра Валентин не видел никогда в жизни. Тридцать,

если не сорок высоченных шестов поддерживали огромные распростертые крылья из тугой темной ткани, которая то вздымалась крутыми шпилями, то спускалась почти до уровня земли и снова вскидывалась под острыми углами, образуя соседнее помещение. Казалось, что дом можно разобрать за час и перенести на какой-нибудь другой склон холма, и все же в нем парадоксальным образом сочетались воздушная легкость и надежность, создававшие впечатление величественности.

Внутри эти величественность и солидность создавались множеством знаменитых темно-зеленых с алым милиморнских ковров, заменявших потолки, блестящей металлической оковкой тяжелых опорных шестов и полами из отполированных до блеска плиток из бледно-фиолетового сланца. Обстановка была простой – диваны, длинные массивные столы, несколько старомодных шкафов и сундуков и ничего больше, но все было основательным и тоже казалось, в некотором роде, царственным.

– Этот дом имеет что-то общее с тем, который сожгли люди узурпатора? – спросил Валентин, когда ему вскоре удалось остаться наедине с Насимонтом.

– По конструкции один к одному, мой повелитель. Правда, оригинал спроектировал первый и величайший из Насимонтов шестьсот лет назад. Восстанавливая дом, мы руководствовались старыми чертежами, не отступая от них ни на шаг. Часть мебели я выкупил у кредиторов, а часть изготовили заново – точные копии. И плантации тоже – все воссоздано в том же виде, каким было до того, как они явились и учинили... пьяный дебош, что ли... просто не подберу других слов. Плотину восстановили, поля осушили, плодовые сады вырастили заново. Пять лет непрерывного труда, и последствия той безумной недели наконец-то ликвидированы. И все это благодаря только вам, мой повелитель. Вы, можно сказать, собрали меня воедино... вы собрали воедино весь мир...

– И молюсь, чтобы он таким и оставался.

– Таким он и останется, мой повелитель.

– Вы так полагаете, Насимонт? Думаете, что неприятности уже кончились?

– Мой повелитель, какие могут быть неприятности? – Насимонт легонько прикоснулся к рукаву короналя и провел его на просторную веранду, откуда открывался великолепный вид чуть ли не на все владения герцога. В закатном сиянии, к которому примешивался мягкий свет летающих осветительных шаров, прикрепленных к деревьям, Валентин увидел просторные луга. За ними разворачивались ухоженные нивы и сады, а еще дальше полумесяц безмятежных вод Костяного озера, в которых можно было угадать отражения множества пиков и утесов горы Эберсинул, господствующей над всей местностью. Издалека доносилась едва уловимая музыка, в мелодию вплеталось звяканье гардоланов, да звучали еще голоса, выводившие завершающие песни продолжительного праздничного дня. Все это служило воплощением мира и процветания. – Неужели, мой повелитель, глядя на это, можно поверить, что где-то в мире существуют неприятности?

– Понимаю вас, старина. Но ведь с вашей веранды виден отнюдь не весь мир.

– Мой повелитель, в любом случае это самый мирный из миров.

– Таким он оставался много тысяч лет. Но сколько еще продержится этот мир?

Насимонт уставился на Валентина, будто увидел его впервые за весь день.

– Мой повелитель?..

– Что Насимонт, очень мрачно звучит?

– Мой повелитель, я никогда не видел вас в таком унынии. Мне даже приходит на ум, что, может быть, события повторяются и что вместо того короналя, с которым я имею честь быть знакомым, опять подсунули двойника.

Валентин слабо улыбнулся:

– Я самый настоящий Валентин. Но, пожалуй, очень уж сильно уставший.

– Пойдемте, я провожу вас в ваши покои. Когда вы будете готовы, там состоится обед, такой скромненький, только моя семья, да несколько гостей из города, человек двадцать от силы, да еще тридцать ваших спутников...

– Да, вы правы. После Лабиринта такой обед можно бы назвать интимным.

Он последовал за Насимонтом по полутемному загадочному лабиринту залов и комнат в обособленное крыло, устроенное на самой возвышенной части утеса. Там, за внушительной преградой из стражников-скандаров, которую возглавлял лично Залзан Кавол, находились королевские апартаменты. Поблагодарив хозяина, Валентин вошел в просторную комнату и обнаружил там большую ванну из голубой с золотом ни-мойской керамики, в которой нежилась, вытянувшись во весь рост, Карабелла, тело которой лишь чуть просвечивало сквозь легкую пену, плававшую на поверхности воды.

– Это изумительно, – сообщила она. – Валентин, залезай сюда побыстрее.

– С радостью и удовольствием, моя госпожа!

Он сбросил башмаки, снял камзол, отшвырнул в сторону сорочку, содрал брюки и со вздохом наслаждения опустил в воду рядом с Карабеллой. Вода оказалась газированной и ощущалась чуть ли не как электрический ток. Окунувшись в нее, Валентин увидел чуть заметное свечение над поверхностью. Он опустил голову на гладкий край ванны, закрыл глаза, вытянулся, поцеловал жену в лоб, обхватив рукой, привлек к себе и, когда Карабелла повернулась, успел поцеловать и мелькнувший над водой сосок маленькой округлой груди.

– Что они насыпали в воду? – осведомился он.

– Она поступает такой из природного источника. Камердинер назвал это радиоактивностью.

– Сомневаюсь, – возразил Валентин. – Радиоактивность это что-то другое, что-то могучее и очень опасное. Вроде бы я встречал упоминания о ней в старинных книгах.

– И что же она такое, если не это?

– Даже и не знаю, что сказать. Чем бы ни было это явление, Божество в своей милости не наделило им Маджипур. А если бы оно тут имелось, вряд ли мы стали бы принимать ванны с этой штукой. Это какая-нибудь целебная минеральная вода.

– Похоже на то, – ответила Карабелла.

Некоторое время они купались молча. Валентин чувствовал, как его душа вновь наполнялась бодростью. Шипучая вода? Успокоительное присутствие Карабеллы и возможность наконец-то ускользнуть из-под постоянного пресса придворных, спутников, почитателей, просителей и восторженных горожан? Да, да, все это вполне могло помочь ему отвлечься от мрачных размышлений, ну и, конечно, его врожденная стойкость должна была рано или поздно проявить себя и выволочь его из странной, столь не присущей Валентину подавленности, которая владела им с тех самых пор, как он въехал в Лабиринт. Он улыбнулся. Карабелла прикоснулась губами к его губам, а его руки скользнули по ее изящному телу на подтянутый живот и к сильным упругим ягодицам.

– Прямо в ванне? – сонным голосом спросила она.

– Почему бы и нет? Эта вода просто волшебная.

– Да. Да.

Она всплыла и оказалась над ним. Ее ноги обхватили его поясицу, полуприкрытые глаза на мгновение поймали его взгляд и закрылись. Валентин взялся за ее маленькие тугие ягодицы и потянул к себе. Неужели прошло уже десять лет, лениво подумал он, с их первой ночи в Пидруиде, под высокими серо-зелеными кустами на краю залитой лунным светом лужайки, после фестиваля, посвященного другому лорду Валентину? Трудно представить: десять лет. И он все так же влюблен в нее. Он обхватил ее руками, и они задвигались в ритме, который давно стал для них привычным, но никогда не казался однообразным, и он выкинул из головы

любые мысли о том, первом, разе и обо всех разгах, случившихся с тех пор, и обо всем на свете, кроме тепла, любви и счастья.

Потом, когда они одевались для интимного обеда на пятьдесят персон, который давал Насимонт, она вдруг сказала:

– Ты всерьез намереваешься сделать Хиссуна короналем?

– Что?

– Я думаю, что ты именно это имел в виду, когда говорил со мною одними загадками, когда мы уже подъезжали сюда. Помнишь?

– Помню.

– Если ты не хочешь это обсуждать...

– Нет, нет. Не вижу причины дальше скрывать это от тебя.

– Так ты серьезно?!

Валентин нахмурился:

– Думаю, он сможет быть короналем. Эта мысль мелькнула у меня, еще когда он был грязным уличным мальчишкой, сшибавшим кроны и роялы в закоулках Лабиринта.

– Но разве может простолюдин стать короналем?

– И ты, Карабелла, в прошлом бродячая жонглерка, а ныне – консорт короналя Маджипура, задаешь такой вопрос?

– Ты влюбился в меня и принял опрометчивое, необычное решение. С которым, как тебе известно, далеко не все согласны.

– Всего лишь кучка заносчивых лордиков! А весь мир приветствует тебя как мою истинную владычицу.

– Возможно. Однако супруга короналя – это не корональ. Простой народ никогда не признает своим верховным правителем кого-то из своей среды. Для него корональ – это нечто величавое, священное, чуть ли не божественное. В прошлой жизни, пребывая в гуще народа, я сама считала именно так.

– Тебя приняли. И его тоже примут.

– И все равно это кажется вызывающим поступком – взять мальчишку, который никто, и звать его никак, и поднять на такую высоту... Почему не Слита? Не Залзана Кавола? Вообще, кого угодно?

– Хиссун годится для этого. Я точно знаю.

– Ну, тут я не берусь судить и хочу сказать, что мысль о том, что оборванный уличный шалопаи будет носить корону, кажется мне очень уж странной, настолько странной, что даже и во сне не может привидеться.

– Неужели корональ обязательно должен происходить из узкой клики с Замковой горы? Так есть так было сотни, если не тысячи лет. Короналя всегда выбирали из одного из великих родов Горы – не могу даже припомнить с ходу, когда в последний раз кандидата искали где-нибудь за ее пределами. Если же он не принадлежал формально к такой семье, все равно обязательно был из аристократов – сыном принца или герцога. Вероятно, так наша система была устроена изначально, иначе откуда взялся непререкаемый запрет на наследование короны? А теперь выявились проблемы столь масштабные, что решить их можно лишь отвернувшись от Горы. Мы там слишком надежно изолированы от мира. Карабелла, я частенько думаю, что мы не имеем никакого понятия о том, что происходит внизу. Миру грозит серьезная опасность, а нам необходимо переродиться, вручить корону истинному представителю широкого населения, не связанному с нашей самодовлеющей аристократией – человеку с иным кругозором, видевшим мир не сверху, а снизу...

– Но он слишком молод!

– Молодость – это преходящий недостаток, – возразил Валентин. – Многие полагают, что мне давно уже следовало бы стать понтификом, это мне хорошо известно, но я постараюсь как

можно дольше обманывать их ожидания. Мальчик должен сначала пройти весь курс обучения. Да и сам я, как ты знаешь, вовсе не горю желанием запереться в Лабиринте.

– Да, – кивнула Карабелла. – Но мы говорим так, будто нынешний понтифик уже умер или вот-вот умрет. Но Тиверас еще жив.

– Так оно и есть, – подтвердил Валентин. – В определенном смысле этого слова. Я лишь молюсь, чтобы так оно и оставалось как можно дольше.

– И когда Хиссун будет готов...

– Я позволю Тиверасу наконец-то упокоиться.

– Валентин, мне очень трудно представить тебя понтификом.

– А мне-то самому как трудно это сделать, милая. Но я приму эту должность, потому что обязан. И прошу лишь об одном – еще, еще немного времени!

Карабелла немного помолчала.

– Если у тебя все это получится, ты потрясешь Гору до основания. Разве не Элидат предполагался в качестве следующего короналя?

– Он очень дорог мне.

– Ты ведь и сам много раз называл его вероятным наследником.

– Было дело, – согласился Валентин. – Но Элидат сильно изменился с тех пор, когда мы с ним вместе готовились к посвящению. Знаешь, любовь моя, тот, кто страстно стремится стать короналем, совершенно непригоден для трона. Но какое-то желание должно присутствовать. У человека должно быть чувство призвания, душевный огонь, что ли. У Элидата, как мне кажется, этот огонь погас.

– Когда мы зарабатывали на жизнь жонглированием и тебе впервые сказали, что у тебя имеется более высокое предназначение, ты считал, что этот огонь выгорел и в тебе.

– Но, Карабелла, он возвращался по мере восстановления моей истинной личности! И сохраняется. Корона порой бывает невыносимо тяжела, но, пожалуй, я никогда не жалел о том, что ношу ее.

– А Элидат пожалеет?

– Подозреваю, что да. Сейчас, в мое отсутствие, он играет в короналя. И, предполагаю, что ему это не очень нравится. К тому же ему уже за сорок. Корональ должен быть молодым.

– Ну, Валентин, в сорок человек еще молод, – с улыбкой заметила Карабелла.

Он пожал плечами:

– Надеюсь, милая, что так оно и есть. Но хочу напомнить тебе, что если дела пойдут, как я рассчитываю, провозглашать нового короналя придется еще не скоро. Думаю, что к тому времени Хиссун уже будет полностью готов, а Элидат радостно отойдет в сторону.

– Но обрадуются ли этому другие лорды Горы?

– Обрадуются, куда они денутся, – ответил Валентин и предложил жене руку. – Пойдем, Насимонт уже ждет нас.

Глава 13

Поскольку в пятый день пятой недели пятого месяца отмечалась священная память исхода из древней столицы за морем, Фараатаа пришлось выполнить несколько обязательных ритуальных действий. Лишь после этого он смог заняться налаживанием связи со своими агентами во внешних провинциях.

В Пьюрифайне в это время года дожди шли дважды в сутки, один раз за час до рассвета, а второй – на закате. Велализирский ритуал необходимо было провести затемно и без дождя, поэтому Фараатаа наметил себе проснуться ночью во время, именуемое часом шакала, когда солнце все еще находится на востоке, над Алханроэлем.

Не потревожив спящих рядом, он выбрался из хрупкой ивовой лачуги, построенной накануне – Фараатаа и его последователи перемещались почти без остановок, так было безопаснее, – и углубился в лес. Воздух, как всегда, был влажным и густым, но в нем еще вовсе не ощущалось запаха утреннего дождя.

В скупом свете звезд, пробивавшемся между клочьями туч, он различал другие фигуры, также направлявшиеся в глубь леса. Но он подчеркнуто не замечал никого, а прочие – его. Велализирский поклон выполняется в одиночестве – личный ритуал всеобщей скорби. О нем никогда никто не говорил, его просто выполняли на пятые сутки пятой недели пятого месяца, и когда дети достаточно подрастали, их наставляли в том, как выполнять этот ритуал – всегда со стыдом, всегда с печалью. Таков был Путь.

Он прошел по лесу предписанные триста шагов. Они привели его в рощу стройных высоких гибарунов, но молиться должным образом там оказалось нельзя, поскольку с каждой развилки, из каждой расщелины коры деревьев свисали легкие гроздья светящихся колокольчиков, испускавших резкое оранжевое сияние. Он углядел неподалеку стоявшую немного на отшибе от других деревьев величественную старую движку, которую несколько веков назад опалила молния, оставив во весь рост дерева глубокий, до сих пор обугленный шрам, облицованный по краям наросшей красной корой. Зарево светящихся колокольчиков не попадало внутрь дупла, и оно как нельзя лучше подходило в качестве храма.

Раздевшись донага под сенью дупла, Фараатаа прежде всего совершил Пять превращений.

Его кости и мышцы безостановочно перетекали, клетки кожи стремительно перерождались, и он сделался Красной женщиной, затем, последовательно, Слепым великаном и Освежеванным мужчиной. Четвертым стал облик Последнего короля, а потом, затаив дыхание и собравшись со всеми силами, он превратился в Грядущего принца. Пятое превращение было для Фараатаа труднейшим испытанием – нужно было перестроить не только внешний вид тела, но и саму душу, вычистить из нее всю ненависть, жажду мести, тягу к разрушению. Грядущий принц выше всего этого. Фараатаа даже не надеялся достичь этого уровня. Он твердо знал, что в его душе нет ничего, кроме ненависти и жажды мести; чтобы стать Грядущим принцем, ему нужно было вычиститься от всего своего содержимого, оставив лишь оболочку, а это было ему не под силу. Однако же он знал способ приблизиться к вожденному состоянию. Нужно было представить себе время, когда осуществилось все, к чему он стремится: враг уничтожен, утраченные земли возвращены, обряды исполняются, мир возрожден. Он перемещался в ту эпоху и погружался в радость от пребывания в ней. Он исторгал из души все, связанное с разгромом, изгнанием, потерями. Он видел оживающие скинии мертвых городов. В таком видении месть просто не может существовать. Откуда здесь взяться врагу, которого следует ненавидеть и уничтожать? Его духом овладевал непривычный – восхитительный! – мир. День возрождения настал, в мире воцарился мир, терзавшая его боль утихла навсегда, и он познал покой.

Именно в этот миг он обрел облик Грядущего принца.

Сохраняя себя в этом облике волевым усилием, которое чем дальше, тем легче удавалось поддерживать, он встал на колени и сложил жертвенник из камней и перьев. Для подношения он поймал двух ящериц и ночного бруула. Он прошел через Три воды, слюну, мочу и слезы. Он собрал гальку и выложил из нее подобие стены Велализира. Он произнес Четыре печали и Пять скорбей. Он встал на колени и ел землю. Перед его мысленным взором явилось видение затерянного города: синий каменный вал, обитель царя, Место Неизменности, Скрижали богов, шесть высоких храмов, седьмой, оскверненный, Храм Падения, Дорога исхода. Продолжая с большим усилием сохранять облик Грядущего принца, он рассказывал себе историю о падении Велализира, переживая эту мрачную трагедию, чувствуя на себе благословение и ауру Принца, благодаря чему мог воспринимать утрату великой столицы не с болью, а с истинной любовью, видя в этом неизбежный и необходимый этап на пути своего народа. Уяснив, что достиг способности принять эту истину, он позволил себе выйти из главного облика и вновь стать Последним королем, Освеженным мужчиной, Слепым великаном, Красной женщиной и в конце концов Фараатаа из Авендройна.

Обряд был завершен.

Фараатаа вытянулся ничком на мягком мху, покрывавшем землю, и подставил спину начавшемуся утреннему дождю.

Немного полежав так, он поднялся, собрал камни и перья импровизированного алтаря и направился обратно к хижине. Покой, присущий Грядущему принцу, все еще окутывал его душу, но теперь он прилагал уже усилие обратного рода, чтобы стряхнуть с себя это благодушие – пришла пора взяться за дневные труды. Пусть ненависть, разрушение и мстительность чужды духу Грядущего принца, но без них невозможно воплотить в жизнь царство принца.

Он ждал у входа в хижину, и вскоре его спутники, завершив собственные ритуалы, вернулись, чтобы дать ему возможность вступить в контакт с водяными королями. Один за другим они занимали свои места – Аарисиим положил руку на правое плечо Фараатаа, Бенууиаб на левое, Сиимии прикоснулся к его лбу, Миисиим – к пояснице, а остальные, взявшись за руки, образовали вокруг этой четверки концентрические круги.

– Пора, – произнес Фараатаа. И их сознания соединились и устремились вовне.

– *Брат в море!*

Усилие было столь мощным, что облик Фараатаа поплыл сам собой, как у ребенка, который только-только учится использовать силу в игре. У него появлялись перья, когти, шесть ужасных клювов, он стремительно становился то билантуном, то сигимойном, то могучим храпящим бидлаком. Сподвижники еще крепче вцепились в него, хотя невероятная сила испускаемого им сигнала заставляла и их менять облики.

– Брат! Услышь меня! Помоги мне!

И из безбрежных просторов и неизмеримых глубин пришло видение громадных темных крыльев, медленно раскрывающихся и складывающихся над титаническими телами. А потом раздался голос, звучащий, как сотня колоколов:

– Я слышу тебя, маленький сухопутный брат.

Это был водяной король Маазмоорн. Фараатаа различал всех их по звучанию разумов: Маазмоорн – колокола, Гироуз – певучий гром, Шейтоон – медленные, печальные барабаны. Великих королей были десятки, и голос каждого из них можно было безошибочно опознать.

– Поддержи меня, о король Маазмоорн!

– Держись за меня, маленький сухопутный брат.

Фараатаа почувствовал, как его дернуло. Он потянулся туда, и его подняло и вынесло из тела, оставшегося в предутреннем лесу. Через миг он оказался над морем, еще через миг погрузился в него, а потом стал одним целым с Маазмоорном. Его захлестнул экстаз – это слияние, это единение было столь мощным, что легко могло бы стать самоцелью, этот восторг

мог бы удовлетворить все его стремления, если бы он допустил это. Но он никогда этого не допустит.

Вместилище колоссального разума водяного короля само было сходно с океаном – беспредельное, всеохватное, бесконечно глубокое. Фараатаа тонул все глубже и глубже, терялся в нем. И все же он ни на миг не забывал о своей цели. Посредством силы водяного короля он сумеет сделать то, с чем не справился бы без помощи. Сосредоточившись, он собрал ставший невиданно могучим разум в точнейший фокус и из сердцевины теплой, баюкающей беспредельности, в которой покоился, отправил те послания, ради которых и оказался здесь.

– Саареккин?

– Здесь.

– Докладывай.

– Лусавендра полностью уничтожена по всей восточной части Разлома. Территория, охваченная грибком, так велика, что ему уже нельзя воспрепятствовать, и теперь он распространяется сам собой.

– Какие меры принимают власти?

– Сжигают зараженные посевы. Но это ничего не даст.

– Победа близка, Саареккин!

– Победа близка, Фараатаа!

– Тии-хаанимак?

– Слушаю тебя, Фараатаа.

– Какие новости?

– Яд успешно распространился с дождем, и нийковые деревья погибли по всему Дюлорну. Впитавшись в землю, он уничтожит глейн и стаджу. Мы готовим следующую диверсию. Победа близка, Фараатаа!

– Победа близка! Иниришс?

– Я. Корневой долгоносик успешно распространился и процветает на полях Зимроэля. Он уничтожит рикку и милиале.

– Когда станет виден эффект?

– Он уже виден. Победа близка, Фараатаа!

– На Зимроэле мы уже победили. Теперь, Иниришс, нужно нанести удар по Алханроэлю. Приступай к переправе долгоносика через Внутреннее море.

– Будет сделано!

– Победа близка, Иниришс! Й-Уулисаан?

– Здесь, Фараатаа.

– Ты все еще при коронале?

– Да. Он покинул Эберсинул и направляется в Тремойн.

– Ему известно, что происходит в Зимроэле?

– Он ничего не знает. Великое паломничество полностью поглощает энергию.

– В таком случае поставь его в известность. Сообщи ему о долгоносике в долине Зимра, о лусавендровой саже в Разломе и вымирании нийков, глейнов и стаджи к западу от Дюлорна.

– Фараатаа, зачем?

– Необходимо максимально втереться к нему в доверие. Рано или поздно новости дойдут до него по официальным каналам. Так пусть он узнает все от нас. Это будет замечательным предлогом приблизиться к нему. Ты, Й-Уулисаан, станешь его советником по болезням растений. Сообщай ему новости и подсказывай действия. Мы должны знать, какие контрмеры он планирует. Победа близка, Й-Уулисаан!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.